

Вестник
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 2 (11)
2017

ISSN 2587-9472
Эл. № ФС77-68095

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-68095

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 2 (11)' 2017

Электронный научный журнал (электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Липунов В.И.

Редакционный совет:

Председатель – **Малышев Н.Г.**, чл.-корр. РАН, д-р техн. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Заместители председателя – **Семенов А.В.**, д-р экон. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Руденко Ю.С., д-р пед. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ (Московский университет им. С.Ю. Витте).

Члены редакционного совета:

Букалерева Л.А., д-р юрид. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Землин А.И., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II»);

Марченко М.Н., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, Почётный президент Ассоциации юридических вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова);

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, проф. (Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы»);

Шамба Т.М., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист РФ (Коллегия адвокатов «ТАМИР» г. Москвы).

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. Витте», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	7
<i>Дорохов Николай Иннокентьевич</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО, ЕЕ СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	14
<i>Измайлов Михаил Викторович, Юрчук Василий Степанович</i>	
СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА (РЕЦЕНЗИЯ).....	18
<i>Сауляк Олег Петрович</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГЕКТАРЕ»	21
<i>Грибков Антон Михайлович</i>	
СВОБОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА	24
<i>Куксин Иван Николаевич, Зеко Лилия Юрьевна</i>	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	29
<i>Липунов Валерий Иванович</i>	
АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ, ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНОГО МИРА	34
<i>Максимушкин Максим Николаевич</i>	
ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ	38
<i>Романова Ирина Николаевна</i>	
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	44
<i>Ванина Ксения Александровна</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ И КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИКИ ОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА	47
<i>Головастова Юлия Александровна</i>	
СТИМУЛИРУЮЩИЕ НОРМЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	51
<i>Кузьмин Сергей Спиридонович</i>	

НАЛАЖИВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОГО ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА	56
<i>Уварова Ирина Александровна</i>	

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

RUSSIAN PARLIAMENTARISM: FEATURES OF ORIGIN AND PRESENT.....	7
<i>Dorokhov N.I.</i>	
PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW L.I. PETRAZHICKOGO, ITS ESSENCE AND SIGNIFICANCE TO CONTEMPORARY LEGAL SCIENCE.....	14
<i>Izmailov M.V., Urchuk V.S.</i>	
POWERFUL COUNTRY AS A DETERMINING FACTOR OF SOCIAL PROGRESS (REVIEW).....	18
<i>Saulyak O.P.</i>	

CIVIL, BUSINESS AND CONTRACT LAW

TO THE QUESTION OF THE FAR EASTERN HECTAR.....	21
<i>Gribkov A.M.</i>	
THE RULE OF LAW AND ITS ROLE IN PROTECTING THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS.....	24
<i>Kuksin I.N., Zeko L.Yu.</i>	
THE STATE FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATUS, PROBLEMS AND PROSPECTS.....	29
<i>Lipunov V.I.</i>	
ANALYSIS OF LEGAL INSTRUMENTS OF REGULATION OF PROTECTION AND USE THE ANIMAL WORLD.....	34
<i>Maximushkin M.N.</i>	
FEATURES OF THE DIVISION OF PROPERTY OF SPOUSES ACCORDING TO THE CURRENT LEGISLATION	38
<i>Romanova I.N.</i>	
EXECUTIVE PRODUCTION OF THE RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE	44
<i>Vanina K.A.</i>	

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

STANDARDS OF INTERNATIONAL TREATIES AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE SOURCES OF THE BRANCH OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	47
<i>Golovastova I.A.</i>	
TO THE QUESTION OF THE SYSTEM OF STIMULATING REGULATIONS IN THE CRIMINAL LAW	51
<i>Kuzmin S.S.</i>	

ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACT AS ONE OF THE FACTORS OF SUCCESSFUL INTERROGATION	56
<i>Uvarova I.A.</i>	

УДК 321.01

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дорохов Николай Иннокентьевич,

канд. ист. наук, профессор,

профессор кафедры теории и истории государства и права,

e-mail: arnita@mail.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте,

<https://www.muiiv.ru>

В статье анализируется природа российского парламентаризма как отражение особенностей исторического развития российской государственности, в числе которых называются влияние европейской и азиатской цивилизации на российскую государственность, гипертрофированная роль верховной государственной власти к российскому обществу, перманентный процесс государственных реформ и конфликтность российской государственности. Раскрываются наиболее характерные черты современного этапа российского парламентаризма.

Ключевые слова: российский парламентаризм, российская цивилизация, государственные реформы, российская конфликтность, противоречивость российской истории

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-3-10

2016 г. стал своего рода знаковым для российского парламентаризма – исполнилось 110 лет начала работы первого учреждения парламентского типа – Государственной думы, с законодательными полномочиями (27 апреля 1906 г.); 18 сентября 2016 г. состоялись очередные выборы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва, с деятельностью которой, прежде всего, связывают состояние парламентаризма в современной России.

В этих условиях, как никогда, весьма актуальным является сохранение исторического наследия российского парламентаризма, его лучших традиций и учета особенностей. Более, чем сто лет назад, обращаясь к депутатам Государственной дум, П.А. Столыпин подчеркивал, что всем «нам важно соединить, согласовать усилия, свои обязанности и права для поддержания исторического, высшего права России – быть сильной».

Вспоминая слова Столыпина и применяя их к нынешнему времени, важно отметить, что сила российского государства всегда была и остается в нашем народе, в его традициях и культуре, огромной территории и природных богатствах, в патриотизме и обороноспособности, единства государства и общества.

Первое учреждение современного парламентского типа появилось в России в начале XX века. Это была Государственная дума, образованная на основании Манифестов от 6 августа и 17 октября 1905 года, и «трансформированный» в соответствии со сводом «Основных государственных законов» (от 23 апреля 1906 г.) в представительный орган власти Государственный совет. Можно говорить, что с их созданием и началом Россия обрела представительную ветвь власти (парламент), состоявшую из двух палат – Государственной думы и реформированного Государственного совета.

По сравнению с ведущими европейскими странами (для справки заметим: английский парламент был образован в 1265 г., французские Генеральные штаты – в 1302 г.; в XIX в. парламенты существовали почти во всех странах Европы, США, Японии, Латинской Америке) первое общенациональное законодательное представительство в России (российский парламент) возникло гораздо позднее. Это объясняется рядом факторов, в их числе особенностями исторического развития страны, характером российской (русской) цивилизации, отсутствием на протяжении многих столетий конструктивного баланса между властью и обществом; запоздалостью перехода к передовым формам хозяйствования в сочетании с феодальными пережитками и сдерживающими остатками крепостничества и др.

Вместе с тем следует заметить, что сама идея народного представительства, как и первые органы представительского типа в России зародились в глубокой древности, едва ли не с первых форм русской государственности [1: с.5-11].

Основные этапы в предыстории отечественного парламентаризма как отражение общественного сознания и общественной мысли, с одной стороны, создания и функционирования органов представительского, с другой, можно видеть в народных вечевых собраниях и съездах князей как особой формы представительства в Древней Руси; консенсуальном характере деятельности Боярской думы XV в. как постоянно действующего законосовещательного и парламентского в современном понимании органа; в Земских соборах, в состав которых входили представители не только высшего феодального сословия, но и низших слоев; развитии городского самоуправления как формы представительства в период правления Екатерины II; конституционных проектах М.М. Сперанского о создании двухпалатного парламента и проектах декабристов будущей модели российского парламента; либерально-демократических преобразованиях второй половины XIX в., где нашли отражение институты представительства в органах власти; программных планах политических партий начала XX в. [2: с. 51-55, 160-164, 208-211].

Таким образом, весь эволюционный путь развития российского общества свидетельствовал о существовании и об определенной значимости идеи парламентаризма как отражения справедливого порядка государственного устройства и ее практической реализации в определенных формах народного представительства в наиболее сложной для государства периоды – во времена смуты, государственных кризисов, иностранных интервенций, реальной угрозы утраты государственной самостоятельности.

Не случайно, что в Манифесте от 6 августа 1905 года говорилось о присущем России единении власти с народом, объявлялось, что для укрепления этого единения решено создать выборное учреждение – Государственную думу. После издания Манифеста 17 октября 1905 года и новой редакции Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. Россия обрела представительную ветвь власти, состоящую из двух палат – Государственной думы и реформированного Государственного совета. Потребовался более чем тысячелетний путь исторического развития, чтобы выстраданная идея народного представительства стала в России реальностью.

Становление и природа российского парламентаризма отражает особенности исторического развития российской государственности. Первая из них – особая роль государства в истории российского общества, выразившаяся, прежде всего, в **гипертрофированной роли верховной государственной власти** по отношению к русскому (российскому) обществу и **перманентном процессе государственных реформ** на протяжении ряда исторических периодов развития России.

В чем истоки данных особенностей российской государственности и как они в конечном итоге повлияли на характер исторического развития России? На этот счет в литературе имеются различные мнения [3, с. 4-14].

Как известно, древнерусское государство возникло под определенным влиянием деятельности пришлого элемента – варягов, как результат освоения отдельными их отрядами огромной территории. Древняя Русь, у истоков которой стояли варяги и их славянские и ославяненные потомки, не вышла из общества в результате естественной эволюции строя славянских племен. Ни князья, ни их дружинники не были выходцами из славянского общества, хотя впоследствии и произошла их ассимиляция.

Заметное влияние варяжского элемента делало государственность как бы наружной, внешней формой. Славянские и финские племена, жившие на этой территории, восприняли привнесенные формы государственного устройства, но сохраняли свой родовой быт и родовую психологию.

Так формировалось особое политическое образование с необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Древнерусском (Киевском) государстве и обществе отсутствовал объединяющий общий интерес: государство и общество сосуществовали, сохраняя свои особые отличия и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом.

Эти особенности российской государственности хорошо описал и В.О. Ключевский. Он подчеркивал, что в России выработалась низшая форма государство-вотчина. Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес [2: с. 417].

Традиция рассматривать вверенную им страну как собственность сохранялась у российских правителей во все времена, в том числе и в новейшее время.

Особенности, отличавшие раннюю русскую государственность (вотчинный характер правления и необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом) были усилены монголо-татарским завоеванием в XIII–XIV вв.

Русские князья впитывали дух государства восточного типа, дух абсолютной, никем и ничем не ограниченной власти, отношения жесткого подчинения и беспрекословной покорности подданных. Обязанные, в новых условиях, выполнять ханскую волю, они уже не могли мириться с былой независимостью и правами своей старшей дружины.

Утверждение под натиском монголо-татарского ига такого типа взаимоотношений внутри господствующего класса приводило к жестокому подавлению даже самой малой оппозиции, к развитию в дальнейшем крайнего государственного деспотизма. Русская жизнь неимоверно ожесточилась, общество приучалось к мысли, что власти дозволено все. Смертная казнь, которой не знали законоуложения Киевской Руси, стала массовым явлением.

Истоки гипертрофированной, всеобъемлющей роли государства по отношению к обществу во многом кроются и **в особом характере складывания русского централизованного государства в XIV и XV столетиях.**

В Западной Европе главную роль в процессе централизаций сыграли социально-экономические обстоятельства: необходимость объединения экономических центров-городов с их бурно развивающимися ремеслами, промышленностью, товарно-денежными отношениями. Русским землям объединение диктовали политические обстоятельства: необходимость борьбы с внешней опасностью (Ордой, Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским), необходимость установления национальной независимости.

Это объединение для отпора агрессии извне было бы невозможным, без жестокой верховной княжеской власти, абсолютного подчинения ей господствующего класса и усиления эксплуатации крестьян. Такой процесс централизации, который шел при «опережающих» (по отношению к социально-экономическим) политических факторах, консервировал складывающиеся сугубо деспотические отношения.

В XVI–XVII вв. государственная самодержавная власть усиливается. При Иване IV (Грозном) ликвидируются остатки феодальной децентрализации, ограничиваются судебные права феодалов. Создаются органы исполнительной власти – Приказы, постоянное стрелецкое войско, единая денежная система, вводится общегосударственный налог.

В 60–70-е годы XVI в. Иван Грозный предпринял попытку установить абсолютную личную деспотию путем массовых репрессий, опричного террора, насильственной централизации. Попытка установления нового политического режима, не удалась, но повлияла на утверждение особо деспотического характера русского самодержавия.

Тенденция к централизации и абсолютизму развивается и в дальнейшем. При Петре I ликвидируется патриаршество и создается государственный орган – Синод, управляющий делами религии. Это знаменует окончательную победу верховной светской власти над церковью. В 1721 г. Петр вводит титул императора. Россия становится империей. Вместо сословно-представительного выборного органа при царе (Боярская Дума) создается Сенат, члены которого утверждаются и назначаются самодержцем.

Особая функция верховной власти в России – государственная регламентация общественной жизни – проявлялась в самых различных областях. Но, пожалуй, наиболее характерным показателем гипертрофированной роли государства было его вмешательство в естественно текущие социальные процессы.

Под непосредственным влиянием власти образовались на Руси сословия. Общество было разделено на слои с четким определением статуса и функций каждого. Судебное Уложение 1649 г. закрепило положение различных категорий населения и круг их повинностей.

Служившие в войске или управлении составляли служилое сословие. Прочие – землевладельцы, ремесленники, торговцы и другие работники физического труда сделались «тяглым» сословием. Служилые люди не являлись первоначально знатью, не имели сословных привилегий. Однако у них были существенные преимущества. Располагая фондом земель, государство, верховный собственник, предоставляло служилым людям участок земли (поместье) с крестьянами при условии несения ими военной или гражданской службы.

Верховная власть всеми мерами стремилась закрепить сложившуюся структуру. В XVI и XVII вв. принимаются законы, запретившие крестьянам покидать свои участки, а купцам – менять место

жительства. Священники не имели права слагать с себя сан, их сыновья должны были вступать на отцовское поприще. Под угрозой тяжких наказаний простолюдинам не разрешалось переходить в ряды служилого слоя. А сыновьям служилых людей следовало по достижении совершеннолетия регистрироваться в соответствующем ведомстве. Государство всячески стремилось сделать социальное положение наследственным. Социальная структура общества становилась все более неподвижной. Так складывалась всеобъемлющая система, прикрепляющая все население к государству.

Верховная власть мощно вторгалась и в сферу межнациональных отношений. Русский абсолютизм обеспечивал существование, «скреплял» уникальное в истории державное образование, объединение в рамках «единой и неделимой» империи десятков народов.

В XX веке, на новом витке исторического развития, были воспроизведены многие характерные особенности российской государственности, порой вседеспотический характер власти и мощное вмешательство ее в самые разные сферы жизнедеятельности общества. Оценивая характер государства в XX в., нельзя не отметить, что оно не в меньшей степени, чем раньше отличалось мощной военно-бюрократической и репрессивной машиной. В новых условиях «верхняя власть» выбрала наиболее жесткий вариант развития. И это связано не только с конкретной обстановкой противоборства различных сил в стране и в мире. Это было обусловлено многовековыми российскими традициями государственности.

Гипертрофированная роль государства питалась **особенностями русского, российского менталитета.**

Много столетий население жило общиной. Здесь веками вырабатывались свои нормы поведения, свои идеалы. Историческая судьба России постепенно укрепляла в сознании народа ценность общины («мира»). Ведь именно община могла защитить человека. В ней он видел воплощение мечты о справедливости, равенстве. Многовековая история выдвинула интересы общины на первый план, поставила их над интересами конкретной личности. Идея служения общему благу, «миру», ради которого человек должен жертвовать своим личным, была важнейшей частью менталитета россиянина.

Вот как писал о роли государственного начала в жизни русского народа выдающийся ученый Николай Бердяев:

«Россия – самая могущественная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы создания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не осталось сил у русского народа для свободной, творческой жизни, вся кровь шла на закрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, представляющего непосильные требования. Русская государственность превратилась в самодавящее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни...

Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве» [4, с. 6-7].

Другой важной особенностью российского государства его роли в истории российской цивилизации явилась перманентность реформирования структур власти и общества в целом.

Российская история во многом представляет собой историю социального реформизма. Несмотря на многочисленные войны, бунты, заговоры и революции, реальные изменения в экономическом и политическом строе России на протяжении последних столетий происходили, как правило, в результате реформ, проводимых верховной властью – иногда по собственной инициативе, иногда под давлением обстоятельств.

Глубокая модернизация и европеизация России была проведена Петром Великим. С именем крупного государственного деятеля, близкого советника императора Александра I, М.М.Сперанского связан реформаторский процесс первой половины XIX в., исключительные по своему значению аграрная, судебная, городская, земская и другие реформы 60-х – 70-х годов XIX в. Мы говорим об этом периоде, как «эпохе великих реформ». Процесс модернизации российского общества в начале XX в.

был начат по инициативе такой значительной политической фигуры российского реформаторства, как Петр Столыпин. В истории советского общества также были и глубокая модернизация общественного уклада в конце 20-х – в 30-е годы, и хрущевский реформизм, наконец, попытки обновления общества во второй половине 80-х – 90-е годы. Административная реформа остается ключевой и в наши дни, 2010-2020-е гг.

История российского реформизма вызвала к жизни разные типы реформ, с неодинаковой степенью государственного принуждения, с разной степенью привлечения общественных сил к разработке и осуществлению преобразований. На протяжении столетий российское реформаторство в своей основе опиралось исключительно на идею государственности. Реформы очень часто приобретали характер авторского вмешательства государства в общественные отношения. Народ выступал лишь в качестве объекта реформ.

Не только Петр с его идеей насильственного прогресса, но и другие реформаторы и государственные деятели исходили из принципа разработки и осуществления реформ исключительно «сверху». Особенностью российских преобразований была их конфликтность. Реформы очень часто осуществлялись жесткими насильственными методами, имели «вкус слез и цвет крови». Причины этого крылись и в ускоренных темпах нововведений, и в недостаточном учете социальных интересов. Российские реформаторы, как правило, во многом не принимали в расчет позицию тех групп населения, которые придерживались традиционных норм жизни.

Характерной особенностью многих реформ в России было также то, что государство, как инициатор реформ, не могло опираться на старую бюрократию, поэтому модернизация аппарата управления, то есть административные реформы, являлись часто главной составной частью преобразований.

Особая роль государства в процессе российских реформ «сверху» превращала бюрократию в единственного их разработчика и руководителя. Ее значение в судьбах реформ в нашей стране огромно. С одной стороны, бюрократия разрабатывала и осуществляла нововведения. Но с другой стороны, она могла выступить и их противницей, если преобразования грозили сложившейся традиционной иерархии. От позиции правящей элиты, от результатов борьбы разных групп и кланов бюрократии зависела окончательная судьба реформ в России. Не учитывая этого, нельзя понять и такое российское явление, как диалектику реформ и контрреформ.

Постоянная череда реформ и контрреформ, новаций и попятного движения – **характерная особенность** российского реформационного и цивилизационного процесса.

Наконец, нельзя не отметить, что русские реформаторы часто игнорировали права при проведении реформ и чрезвычайно редко имели грамотный социальный и политический анализ для их осуществления, четкое и ясное представление о том, при помощи каких социальных и политических сил могут быть введены новации.

Отмеченные характерные особенности роли государства в истории российской цивилизации объективно предопределили такую черту российского исторического процесса как **противоречивость, конфликтность** развития отечественной истории, предрасположенность российского общества к крайностям.

Следующей особенностью исторического развития российской государственности является влияние на нее европейской и азиатской цивилизации.

Пограничное положение между Европой и Азией наложило отпечаток на общественное развитие, способствовало противоречивому сочетанию европейских и восточных черт. В России как бы сходилась цивилизация лесов (охотники, рыболовы, пахари, на расчищенных от лесов пространствах) с цивилизацией степняков – кочевников, волнами накатывавших на оседлое население. И та, и другая влияли на формирование российского общества и государства, складывавшегося на громадных просторах двух частей света, лишенных резких географических рубежей. Это обстоятельство наложило отпечаток на весь ход истории страны. Россия развивалась во взаимодействии и в борьбе то с Европой, то с Азией. И восточные и западные элементы присутствуют в русской жизни, в русской истории.

Двойственную, противоречивую природу русской жизни подчеркивал и Н. Бердяев. В своем труде «Судьба России» он развивал мысль о том, что в русском народе одновременно уживается и восточная приверженность государственному началу, и западный идеал свободы. В истории России эта двой-

ственность выразилась, – считал он, – в постоянном чередовании разрушительных бунтов вольницы с периодами усиления власти, сдерживающей эту вольницу железной рукой.

Россия оказалась своеобразным гигантским цивилизованным котлом, в котором до конца, в гармоничное единство не смогло перевариться все противоречивое многообразие разных этносов. Возрастная, историческая «равновременность» существования друг с другом народов и социально-экономических укладов приводила к социокультурным расколам общества, порождала особую болезненность и кризисность общественного развития [5, с. 441].

Многие корни российской конфликтности кроются в особенностях российской власти с ее абсолютистской природой, монополизмом и мощным вмешательством в жизнь общества. Можно сказать, что в России всегда доминировал мифологический, а не критический тип мышления. Из поколения в поколение передавалось упрощенное представление о путях достижения целей социального прогресса и вера, что борьба, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых форм жизни сами собой обеспечат реализацию общественного идеала.

Все это в конечном итоге дает основание утверждать, что важнейшими доминантами российского цивилизационного развития были и остаются особая роль государства и конфликтность российского исторического развития. Природа российского парламентаризма во многом впитала в себя особенности исторического развития российской государственности. Вся его прошлая судьба и современное состояние свидетельствуют об исключительности государственных начал в формировании и функционировании представительной ветви российской власти.

Оценивая современное состояние российского парламентаризма, в частности итоги выборов в Госдуму седьмого созыва, следует заметить, что в российском обществе сложился сильный запрос на центристскую позицию. Те, кто пытался спекулировать на трудностях в сложное для государства и общества время – все проиграли. По итогам выборов партии власти – «Единая Россия» – сформировала новое устойчивое большинство на федеральном и региональных уровнях, причем на достаточно приличную перспективу. Очевидно, что новая Госдума будет обладать гораздо большим политическим весом по сравнению с предшествующими составами. А это значит, что парламентский контроль над деятельностью правительства и в целом в государственной сфере будет усилен.

В качестве ожидаемых перемен в деятельности законодательной палаты следует назвать:

- усиление обратной связи парламента с избирателями, гражданским обществом, с регионами;
- возрастание качества законотворческого процесса за счет более предметного взаимодействия со всеми, кто обладает правом законодательной инициативы, включая региональные парламенты; активное использование практики «нулевых чтений», общественных слушаний, в том числе с участием представителей партий, не вошедших в парламент;

- утверждение Государственной Думы как центра диалога и дискуссий для всех профессиональных сообществ, которые имеют отношения к принятию законотворческих инициатив и решений;

- первоочередными законодательными решениями должны стать – снятие законодательных барьеров на пути развития конкуренции, притока инвестиций, внедрения современных технологий, обеспечения сбалансированного развития российских регионов, северных и дальневосточных территорий;

- укрепление законодательной защиты бизнеса от неправомерного давления со стороны правоохранительных структур;

- приоритетное законодательное решения в области образования, здравоохранения, жилищной политики, экологии; в тех сферах, которые прямо влияют на благополучие общества, его социальное и демографическое развитие;

- в условиях растущей международной изоляции, нагнетания политической и военной напряженности важно законодательно укреплять безопасность и обороноспособность страны, отстаивать ее позиции на мировой арене и др.

Таким образом, столетний путь развития российского парламентаризма, дает основание утверждать, что решающей доминантой его развития были и остаются весьма сильные государственные начала в его сущности и природе, выразившиеся в перманентных процессах реформирования государства и общества, особой роли государственной власти в российском историческом процессе.

Автор считает, что в данной работе во многом новыми являются следующие положения и результаты – анализ природы российского парламентаризма через отражение особенностей исторического развития российской государственности, в их числе перманентный процесс государственных реформ и конфликтность российской государственности, чрезмерная (гипертрофированная) роль верховной государственной власти к российскому обществу; противоречивость и конфликтность развития отечественной истории, предрасположенность российского общества к крайностям; исключительность государственных начал в функционировании парламентских форм российской власти.

Список литературы

1. См.: *Правкин С.А.* Конституционные основы парламентаризма: отечественный и мировой опыт М.: МИЭМП, 2009 – 293 с.
2. *Моисеев В.В., Дорохов Н.И.* История государства и права России. Учебник. М.: МИЭМП, 2008 – 485 с.
3. *Дорохов Н.И.* Государство в истории российского общества: историко-правовые и политические аспекты // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2013. №2(3). с.4-14.
4. См.: *Бердяев Н.* Судьба России М.: 1990. с.6-7.
5. История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования). Колл. авт. Бурковский И.В., Горохов Д.Ю., Дорохов Н.И., Малышева О.Г., Орчакова Л.Г., Правкин С.А., Токарева Е.А., Юрчук В.С. и др. Под общ. ред. Н.И. Дорохова М.: изд. МУ им. С.Ю. Витте, 2014 449 с.

RUSSIAN PARLIAMENTARISM: FEATURES OF ORIGIN AND PRESENT

Dorokhov N.I.,

*Candidate of historical sciences, professor,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
e-mail: arnita@mail.ru,
Moscow Witte University
<https://www.muiiv.ru>*

The article examines the nature of the Russian parliamentarism as the reflection characteristics of the historical development of the Russian statehood, including referred to the influence of European and Asian civilization on the Russian state, hypertrophied role of the supreme state power in the Russian society, a permanent process of state reform and conflict of Russian statehood and others. Disclosed are the most characteristic features of the present stage of Russian parliamentarism.

Keywords: Russian parliamentarianism, Russian civilization, government reform, Russian conflict, inconsistency of Russian history

УДК 340.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО, ЕЕ СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Измайлов Михаил Викторович,

*канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Государственный гуманитарно-технологический университет,
г. Орехово-Зуево,
<http://ggtu.ru>,*

Юрчук Василий Степанович,

*канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<https://www.muiiv.ru>*

В статье рассматриваются некоторые положения, психологической теории права Л.И. Петражицкого. Отмечаются достоинства этой теории, её значение для развития права в целом и американской школы правового реализма в частности. Показано влияние этой теории на формирование правомерного поведения.

Ключевые слова: психологическая теория, позитивное право, положительное право, нравственность

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-10-13

Психологическая теория права была создана в начале XX века. Ее основоположником стал русский ученый-правовед Л. И. Петражицкий (1867-1931). Основные положения данной теории изложены в его книге «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», изданной в 1897 г.

Автор психологической теории права родился в 1867 году в дворянской польской семье. Он закончил юридический факультет Киевского Императорского университета Св. Владимира, впоследствии стажировался в Германии, где и вышли его первые труды на немецком языке.

После возвращения в Россию преподавал сначала в императорском Училище правоведения. В 1898 г. ему была присвоена ученая степень доктора римского права. В 1898-1918 гг. возглавлял кафедру энциклопедии права в Петербургском университете. В 1921 году он эмигрировал в Польшу, где возглавил кафедру социологии Варшавского университета.

Психологическая теория права вызывает неоднозначные оценки. Нередко эту теорию критикуют за то, что природа права сводится исключительно к психологической, эмоциональной сфере индивида, асоциально-экономические, политические и другие факторы, от которых также зависит природа права, в расчет не принимаются. Поводом для критики является и то, что интуитивное право, рассматриваемое Л.И. Петражицким как основа позитивного права, не имеет формально определенного характера. При данном подходе, по мнению оппонентов теории, отсутствуют четкие критерии правомерного и неправомерного, законного и незаконного.

Полагаем, что психологическая теория права недостаточно оценена, и в связи с этим целесообразно остановиться на ее достоинствах. К числу несомненных заслуг создателя психологической теории права можно отнести решительное и безусловное освобождение теории права от узкого юридического догматизма. В этом вопросе Петражицкий создал своеобразное учение о многообразии нормативных фактов и видов положительного права. Отказавшись от сложившихся вариантов догматического истолкования источников права и стремясь охватить все известные факты из истории права и современного его состояния, Петражицкий насчитал целых пятнадцать видов положительного права, неизвестных, по его оценке, современной науке или же не признаваемых ею.

Среди них он, помимо официального права (законодательства), различает книжное право, для которого нормативным фактом служит авторитет книги, преимущественно юридического содержания (имеются

в виду священные книги, сборники обычного права, научные трактаты и Свод законов Юстиниана); далее следует «право принятых в науке мнений», «право учений отдельных юристов или групп их», «право юридической экспертизы» (сюда же отнесены знаменитые «ответы» римских юристов); отдельно выделено «право изречений религиозно-этических авторитетов: основателей религий, пророков, апостолов, святых, отцов Церкви и т.д.» и «право религиозно-авторитетных примеров, образцов поведения». Своеобразное семейство образуется из «договорного права», «права односторонних обещаний» (например, государственных органов и частных лиц), «программного права» (программное заявление органов государственной власти), «признанного права» (признание известных прав и обязанностей одной из сторон юридического отношения). «Прецедентное право» усматривается в деятельности государственных учреждений и в международном праве. Различается также «общенародное право, как везде существующее право» (нормативным фактом для него служат ссылки на то, что «так принято во всем мире», «у всех народов»). Отсюда становится понятным соседствующее с прецедентным и общенародным «право юридических поговорок и пословиц»[1].

Петражицкому принадлежит весьма точная и по-своему конструктивная критика юридической ментальности, в которой «власть» и «господство» имеют характер не научно содержательных и фиксированных смысловых терминов, а скорее характер слов для всевозможного и необременительного употребления в различных областях правосознания без ясно определенного смысла. Он писал в своей «Теории права и государства» (1907): «Современное государствоведение... не знает, в какой сфере находятся и какую природу имеют те реальные феномены, которые соответствуют его теоретическим построениям, и как с помощью научных методов можно достигнуть их реального, фактического (наблюдательного, опытного) познания; и, таким образом, вместо изучения фактов получается фантастическое конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего»[2].

Психологическая теория права и нравственности, в особенности методологические конструкции, положенные в основу этой теории, вызвали обширную критическую литературу. Так, П. И. Новгородцев с самого начала высоко оценил попытку Петражицкого «освободить философскую разработку права от гипноза со стороны положительного закона и практического оборота, суживающего и искажающего теоретический горизонт зрения»[3], но в то же время признавал, что «эмпирический анализ идеи права как внутренне-психического индивидуального переживания» тоже не дает нам законченной теории права, как не дает ее и формально-позитивная догматика. Что касается окончательного вывода, то суть его состояла в том, что заслуги психологической теории лежат вне пределов юриспруденции и что «для философии естественного права эта теория опорой быть не может»[4]. В. Н. Чичерин высоко оценил Петражицкого как критика юридического позитивизма, но сильно критиковал его оценки права как инструмента социальной политики. Б. А. Кистяковский обратил внимание на гносеологические погрешности, заметив, что Петражицкий «ориентирует свою теорию образования понятий не на истории наук, а на чисто житейских суждениях, разбавленных разнообразными научными сведениями»[5].

Сегодня теория Петражицкого воспринимается как предпосылка таких новейших течений, как правовой реализм, а также соответствующие ответвления бихевиоризма и феноменологии.

Развивая вслед за О. Холмсом идею о громадной роли внеправовых соображений и обстоятельств в судебном процессе и акцентирование вслед за З. Фрейдом роли подсознания в этом процессе, американская школа правового реализма по ряду своих догматов и методологических ориентаций действительно может быть воспринята продолжательницей традиции психологической трактовки права, уделившей значительно больше внимания соотношению совокупного воздействия психологических факторов на область правовой мысли и юридической практики одновременно. Американских реалистов так же, как и Петражицкого, интересовала проблема несовершенства «юридического языка» – его неопределенность, неясность, двусмысленность. По мнению Дж. Фрэнка, некоторые правовые термины похожи на луковицы – если их как следует почистить, то в итоге ничего не останется. Юридический язык – это «жаргон, не имеющий четкого значения». Он нередко ставит в тупик и одурачивает обывателя и тем самым дает возможность прибегать к различным уловкам[6].

В своем обращении к поведенческим (бихевиористским) аспектам изучения правосознания и практики американские реалисты вновь привлекли внимание к необходимости более тщательного различения правовых требований «на бумаге» и «в реальности», к соотношению доктрины и совокупности основывающихся на ней судебных решений, и все это во имя снятия проблем, вызываемых не-

определенностью предписания правовой нормы. Они в то же самое время высоко оценивали присущие праву единообразию и предсказуемость действия [7].

Подобно Петражицкому, реалисты разделяли позитивистскую веру в применение научной методики и в этом смысле переориентировали практическое изучение права на более современный лад, снабдив исследователей новыми свидетельствами несовершенств или недостаточности формально-догматического анализа там, где речь идет об оценке реального действия правовых требований и предписаний или об эффективности и ценности права в реальной судебной практике и в обиходном правовом общении.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого впервые обратила внимание на психологическую сторону действия права, тесно связанную с проблемой психологического механизма формирования правомерного поведения. Действительно, в сложной цепи перевода правовых предписаний в качество фактического правомерного поведения чувства и переживания индивида, его психологические импульсы являются тем последним звеном, которое непосредственно соприкасается с конкретным поведенческим актом, определяет его.

2. Данная теория послужила импульсом для появления и развития таких направлений научной мысли, как школа психоанализа (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм), правовой реализм (Дж.Грей, О. Холмс, К. Левеллин, Дж. Франк).

3. Психологическая теория права – не умозрительная конструкция, она неразрывно связана с юридической практикой и имеет важное значение для обеспечения функционирования механизма правового регулирования на всех его стадиях.

Список литературы

1. *Вышкварцев В.В.* Психологизм в праве: критика теории Л.И. Петражицкого. // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность // Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Иваново: Изд-во ИГУ, 2012. С. 47-60.
2. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб: Издательство «Лань», 2000.
3. *Новгородцев П.И.* Психологическая теория права и философия естественного права. // Юридический вестник. 1913. – Книга III.
4. *Литвинов, А.Н.* Полемика П.И. Новгородцева и Л.И. Петражицкого о возрождении естественного права, или как теория права направляясь в Индию, может попасть в Америку. // Философия права. 2004. № 2. С. 13-19.
5. *Тимошина Е.В.* Критерий «синтетической» правовой теории в философско-правовом дискурсе Л. И. Петражицкого. // Современная юридическая наука и её проблематизация. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2010. С. 157-167.
6. *Дж. Фрэнк.* Право и современный разум. 1930. С.31.
7. *Зорькин В. Д.* Позитивистская теория права в России. М. :Изд-во МГУ, 1978

PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW L.I. PETRAZHICKOGO, ITS ESSENCE AND SIGNIFICANCE TO CONTEMPORARY LEGAL SCIENCE

Izmailov M.V.,

candidate of legal

*Head of the Chair criminal-law disciplines
State University of Humanities and technology
<http://ggtu.ru>,*

Urchuk V.S.,

*candidate of legal sciences,
associate professor of department of theory and history of the state and right,
Moscow Witte University
<https://www.muiiv.ru>*

The article discusses some of the provisions of the psychological theory of law of L. Petrazhitsky. There are many benefits of this theory, its importance for the development of law in General and American schools.

Keywords: psychological theory, positive law, positive law, morality

УДК 316.422.4

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА (РЕЦЕНЗИЯ)

Сауляк Олег Петрович,
д-р юрид. наук, профессор,
председатель

Московская коллегия адвокатов «Юрпроф»
<http://www.rusprofile.ru/id/7391858>

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-13-15

Проблемы, сопряженные с повышением эффективности государственно-правового регулирования общественных отношений, традиционно находятся в фокусе внимания отечественной науки. Интерес ученых, в том числе и правоведов, к ним вполне объясним, поскольку ключевое предназначение государства как особого политического института как раз и заключается в том, чтобы на основе рациональной и научно-обоснованной системы государственного управления социальными процессами обеспечить продвижение общества по пути цивилизации и прогресса.

Однако в освещении названных выше проблем немало «белых пятен», многие их аспекты по-прежнему относятся к числу дискуссионных. Их рассмотрению и посвящена монография известных российских правоведов А.Д. Керимова и И.Н. Куксина, в которой на основе обобщения научной литературы, посвященной указанной проблематике, данных эмпирических исследований, предлагаются новые подходы к совершенствованию теории и практики государственно-правового строительства в обновленной России. При этом авторы книги не претендуют на полномасштабное освещение всех проблемных зон, связанных с совершенствованием государственного участия в регламентации социальных процессов. Они акцентируют внимание на четырех ключевых вопросах: для чего необходимо сильное государство, каковы его основные характеристики, а также потенциал в решении проблем, сопряженных с обеспечением и защитой прав человека, определением общей воли, фиксирующей интерес общества.

Рассматривая детерминанты, обуславливающие в современных условиях потребность в сильном государстве, А.Д. Керимов и И.Н. Куксин подчеркивают, что эта потребность носит объективный характер и во многом обусловлена ускоряющейся динамикой социальных процессов. При этом сложные варианты сцепления и взаимодействия разнообразных факторов (объективных и субъективных, внутренних и внешних, закономерных и случайных) не только определяют условия развития современных государственно-организованных обществ, но и порождают многочисленные проблемы и кризисы. В работе справедливо отмечается, что «обуздать» такого рода процессы, преодолеть соответствующими полномочиями» (с. 12).

Научно-обоснованным и рационально выверенным представляется авторский подход к анализу проблемы взаимодействия государства и институтов гражданского общества (с. 12-14). Исторический опыт развития современных государственно-организованных обществ свидетельствует, что наибольшего успеха в решении внутренних проблем достигают те социумы, в которых позитивный потенциал государства, претендующего на право называться правовым, социальным и демократическим, сопрягается с возможностями и благотворными усилиями общественных институтов, стремящихся к тому, чтобы гордо именоваться гражданским обществом. Подобная модель общественного устройства выстраивается на основе не соперничества, а сотрудничества названных социальных акторов, четкого распределения между ними регулятивных полномочий и зон ответственности.

Однако, практически в любом дуэте в рамках социального взаимодействия кто-то должен играть роль солиста, а кто-то – подпевать вторым голосом. В рамках обозначенного социального тандема государство выступает в качестве ведущего игрока, а гражданское общество – в качестве ведомого. При всем уважении к гражданскому обществу, принимая во внимание значимость выполняемых им цивили-

зиторских функций, его институты способны быть успешными выразителями и защитниками групповых и индивидуальных интересов. Но потенциал этих образований в силу объективных причин резко ограничен, если речь идет о необходимости защиты интересов общественных, а тем более – решении крупных социально-экономических, политико-правовых проблем, с которыми сталкиваются современные социумы. Очевидно, что успешное решение этих проблем под силу только мощному и дееспособному государству. В этой связи справедливым представляется авторский тезис о том, что «только соответствуя этим критериям, оно (государство) будет в состоянии распространить своё эффективное и вместе с тем нацеленное на реализацию интересов всего социума регулирующее воздействие на стремительно ускоряющиеся общественные процессы, возвыситься над эгоистическими притязаниями его отдельных институтов и структур и управлять во имя достижения всеобщего благоденствия и процветания» (с. 14).

Абсолютно обоснованным и достоверным представляется вывод о том, что слабое государство само по себе представляет для социума, как общественного организма, реальную угрозу, поскольку «порождает многочисленные общественно значимые проблемы» (с.23). «Слабое государство, государство, не располагающее достаточными материальными и финансовыми ресурсами и средствами, неспособное эффективным образом регулировать экономику страны, должным образом перераспределять доходы не в состоянии, разумеется, преодолеть неизбежно при этом возникающее вопиющее социальное неравенство, справиться с унижающей человеческое достоинство бедностью, а зачастую и с грозящей вымиранием значительной части населения нищетой. Эта, сама по себе тяжелейшая, но на первый взгляд, казалось бы, сугубо внутренняя проблема в нынешних условиях с поразительной быстротой выходит за национальные рамки, приобретает гораздо более широкое, порою даже планетарное измерение, превращаясь тем самым в проблему международного масштаба. Ведь слабое государство, пораженное недугом нищеты, создаёт подчас почти непреодолимые трудности для других, прежде всего соседних стран..., превращаясь в постоянный источник массовой и практически неподдающейся контролю иммиграции, становясь бесперебойным поставщиком несметного числа маргинализированных, люмпенизированных, и криминализированных элементов. США, Великобритания, Германия, Франция, Италия, все другие развитые страны (да и не только они) в той или иной степени сталкивались в прошлом, и тем более сталкиваются сегодня, с этим негативным явлением. То же в полной мере, а может быть и в большей степени, относится и к современной России» (с.24). Трудно не согласиться в данном случае с авторами монографии.

В работе немало других интересных суждений. Например, рассматривая проблему участия государства в обеспечении прав человека, авторы выступают против т.н. персонцентристской модели общественного устройства, когда права индивида ставятся выше интересов коллективных субъектов. В цивилизованном обществе речь идет о необходимости согласования индивидуальных, групповых, общественных и государственных интересов.

В книге делается особый акцент на том, что сегодня именно сильное государство выступает гарантом эффективной реализации прав и свобод человек. Действительно, зарубежный и отечественный юридический опыт наглядно свидетельствуют, что само по себе закрепление на законодательном и даже конституционном уровне, широкого спектра прав и свобод индивида еще не обеспечивает их автоматическую реализацию. Необеспеченные хотя бы минимальными гарантиями со стороны государства эти права могут превратиться в пустое сотрясение воздуха, мертворожденную декларацию, лишённую позитивной энергии и смысла.

Заслуживают внимания представителей научного сообщества и институтов государственной власти целый ряд других замечаний и предложений авторов, в том числе, связанных с введением дополнительных цензов в целях корректировки избирательного законодательства (с. 52-56); разработки сущностных признаков, определяющих силовой потенциал государства, в том числе в духовной, нравственной сфере (с. 73-92).

Нет никаких сомнений в том, что монография станет заметным событием в научном мире, а выводы и рекомендации авторов могут быть использованы в процессе совершенствования теории и практики государственно-правового регулирования в целях построения в современной России сильного государства, способного стать определяющим фактором общественного прогресса.

Saulyak O.P.

Doctor of Law, professor

Chairman

Moscow Bar "Yurprof" lawyers

<http://www.rusprofile.ru/id/7391858>

УДК 711.14

К ВОПРОСУ О «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГЕКТАРЕ»

Грибков Антон Михайлович,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
e-mail: wearwolf-85@yandex.ru,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани
<https://www.muiiv.ru/ryazan>

В работе анализируются положения нормативного акта, регламентирующего порядок и особенности предоставления земельных участков участникам оборота.

Ключевые слова: земельный участок; отказ в предоставлении земельного участка; порядок предоставления земельного участка

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-16-18

1 мая 2016 года президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал нашумевший закон «О дальневосточном гектаре». Данный закон дает гражданам Российской Федерации право претендовать на земельный участок размером до 1 гектара в Дальневосточном федеральном округе. «Дальневосточный гектар» можно будет получить на территории Республики Саха – Якутии, Хабаровского, Приморского и Камчатского краев, Сахалинской, Магаданской и Амурской областей, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа. Такой участок будет предоставляться в безвозмездное пользование сроком до 5 лет и последующей возможностью получить данную землю в собственность или арендовать ее. Однако, при условии что участок не используется, государство имеет право его изъять[1].

Участок, на который граждане могут претендовать должен соответствовать таким критериям как:

- 1) третьи лица не должны обладать какими-либо правами на него;
- 2) участок должен находиться в свободном обороте;
- 3) участок должен находиться за пределами особой экономической зоны, зоны территориального развития, территории социально-экономического развития.

Помимо этого, в выдаче земельного участка будет отказано в случае обнаружения на нем месторождения полезных ископаемых. Также не будут выдаваться для освоения участки, которые располагаются в пределах границ городских округов и сельских поселений, по причине того, что на такие участки могут претендовать местные жители, либо их, возможно, будет использовать для муниципальных нужд. Кроме того, ко времени второго обсуждения закона в парламенте, земли традиционного природопользования коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока так же оказались вне поля его действия.

Целью вышеописанного закона является обеспечение развития и заселения российского Дальнего Востока. При, несомненно, впечатляющих площадях, регион носит статус наименее заселенного на территории нашей страны. Низкий уровень заселенности и освоенности земель Дальнего Востока по сути своей является достаточно весомой проблемой, наличие которой влечет за собой торможение экономического развития региона, а помимо этого может создавать угрозу национальной безопасности нашей родины. Как известно, пустующая территория во все времена являлась причиной заинтересованности соседних стран, особенно испытывающих на себе тяготы перенаселения. К сожалению, во всей этой истории остро стоит очень важный вопрос, до сих пор остающийся без ответа : «Кто поедет на Дальний Восток осваивать земли и что станет стимулом для переселенцев?».

В сегодняшних реалиях даже элементарный переезд из города в село является не слишком привлекательным мероприятием для большинства россиян, что уж говорить об освоении Дальнего Востока. Например, в южной части Российской Федерации установились весьма низкие цены на недвижимость в сельской местности. За 200-250 тысяч рублей можно приобрести целое домовладение. Несмотря на это, количество желающих обосноваться в сельской местности невелико.

Председатель Комитета Госдумы по аграрным вопросам Николай Панков утверждает, что стать владельцем своего «гектара» сможет любой представитель одной из 30 категорий граждан, включая ветеранов, многодетные семьи, учителей со стажем 10-15 лет, фермеров, заслуженных работников, имеющих государственные награды за труд.

Но переселение ветеранов в данном случае очень маловероятно, впрочем, и учитель с 10-15-летним стажем, внезапно решивший перебраться на Дальний Восток и переквалифицироваться из учителя в фермера – явление единичное.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, принятый закон не остался без внимания граждан. Особенно он заинтересовал молодежь в возрасте 18-24 лет. Из всех опрошенных каждый пятый считает для себя приемлемым поучаствовать в программе и переехать на Дальний Восток. Однако, далеко не факт, что мнение молодых граждан останется неизменным после ознакомления с условиями жизни в этих районах. Данное обстоятельство, на сегодняшний день, остается без комментариев со стороны социологов, чиновников и представителей партий[2].

Несмотря на то, что данный законопроект получил отклик у населения, он нуждается в доработке. При выборе участка граждане сталкиваются с тем, что достаточно развитые земли уже забронированы, таким образом, людям достаются участки без каких-либо коммуникаций и удобств.

С юридической стороны тоже не все так гладко. Дело в том, что в начале 90-х годов во время реорганизации колхозов, их членам выделяли земельные наделы, однако зарегистрированы эти участки не были. При этом, многие бывшие колхозники сохранили выданные им документы на землю, которые, в свою очередь, доказывают права собственности на эти участки, но при этом требуют перерегистрации. Если участок не был занесен в Росреестр, то никакой информации о нем в электронном кадастре недвижимости нет. Следовательно, Росреестр может выдавать эти земли в качестве дальневосточного гектара, поскольку в ведомстве не знают, что земля не бесхозна. Скорее всего по прошествии некоторого времени объявится истинный собственник участка, который будет вправе через суд доказать свои права на эту землю. Чтобы избежать этой неприятной ситуации, следует изучить в Росреестре все законные карты территории. В противном случае, построив что-то на своем дальневосточном гектаре, можно лишиться своего права на эту собственность[3].

Нельзя не отметить, что Дальний Восток – кладезь с несметными природными богатствами и привлечение на его территорию части населения Российской Федерации – несомненно, важное и нужное дело. Но также есть опасение, что закон не заработает, так как должным образом не продумана его реализация. В первую очередь, на Дальнем Востоке необходимо создать рабочие места с достойной заработной платой, а также сформировать полноценную социально-бытовую инфраструктуру. Только в этом случае будет обеспечен приток в регион переселенцев из других частей России и данный закон обеспечит себе право на существование.

Список литературы

1. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
2. Полонский И. «Поможет ли новый закон освоить Дальний Восток?», 2016
3. Злочевский В. «Советы юриста: как не потерять свой дальневосточный гектар». 2016

TO THE QUESTION OF THE FAR EASTERN HECTAR

Gribkov A.M.,

Associate Professor,

Chair of Civil Law and Process,

e-mail: wearwolf-85@yandex.ru,

Ryazan Branch of Moscow Witte University

<https://www.muiv.ru/ryazan>

The article: the article analyzes the provisions of the normative act regulating the procedure and peculiarities of granting land plots to the participants of the turnover.

Keywords: land plot, Refusal to provide land, The procedure for granting a land plot

УДК 342.4

СВОБОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА¹

Куксин Иван Николаевич,

д-р юрид. наук, проф.,

заслуженный юрист РФ,

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин

e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru,

Юридического института, Московского городского педагогического университета,

Зеко Лилия Юрьевна,

начальник юридического отдела,

ООО «Плаза»,

<https://www.k-agent.ru/catalog/7708552668-1057746243829>

В статье проанализирован конституционно-правовой аспект природы свободы предпринимательской деятельности в Российской Федерации и западных странах, в частности, в Великобритании

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экономическая деятельность, свобода предпринимательской деятельности, право на свободу предпринимательской деятельности, Конституция Российской Федерации, конституции зарубежных стран, конституционное право

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-18-23

Сложная и обременительная система государственного регулирования экономической деятельности в значительной мере препятствует развитию предпринимательской активности. Вопросами совершенствования системы государственного регулирования предпринимательской деятельности занимаются во всех государствах, стремящихся к созданию благоприятных условий для успешного развития рыночных отношений. Тщательная разработка новых и совершенствование ранее принятых правовых актов наряду с упрощением административных механизмов регулирования предпринимательской деятельности позволяют интенсифицировать рождение новых предприятий и создать благоприятные условия для их дальнейшей успешной деятельности. В целях дальнейшего совершенствования законотворческой и правоприменительной практики в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации необходимо изучить не только действующее законодательство, но и опыт его применения в западных странах.

Как известно, основой концепции предпринимательской деятельности является свобода экономической деятельности. Указанное явление упоминалось в трудах ученых-экономистов еще в XVIII в. (А. Смит, Д. Рикардо), но не представляло в тот период интереса для юристов, так как подразумевалась общественным сознанием в качестве само собой разумеющегося явления. В настоящий период большинство современных ученых-конституционалистов (Е. Козлова, О. Кутафин, В. Чиркин, М. Баглай) при классификации прав и свобод человека и гражданина не выделяют экономические права в отдельную группу.

В современный период развития правоведения спектр взглядов на роль государства и степень его воздействия на свободу предпринимательской и экономической деятельности весьма разносторонний. Современные ученые рассматривают данный институт через призму множества теорий, наряду и с учетом которых сформировались и существуют две основные демократические концепции взаимосвязи государства и экономической системы – либеральная и эгалитаристская².

Под либеральной концепцией подразумевается минимальное влияние государства на экономику и только по законам естественного права, основными ценностями которого являются священность

---

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс

² Эгалитаристская концепция считает справедливым уравнительное распределение доходов // URL: <http://www.refsru.com/referat-13954-3.html> (дата обращения: 13.04.2017).

и неприкосновенность частной собственности. Ученые А. Смит, Ф. Хайек и М. Фридман признавали приоритет экономической свободы перед государством, в обязанность которого входило гарантировать эту свободу, не допускать вмешательств в данную сферу. С позиций предпринимательской деятельности можно утверждать, что сутью свободного общества является то, что каждый заботится о своем благосостоянии самостоятельно, а государство только лишь создает благоприятные условия для развития такой деятельности. Данный принцип ограничения государственного вмешательства в регламентирование внутренних вопросов экономической жизни общества был принят создателями Конституции США в качестве объективной действительности. Вследствие чего позже ими указывалось, что правительство учреждено именно для защиты таких наиболее важных государственных институтов, как право личности и право собственности.

В либеральном понимании, как утверждал Ф. Хайек, экономическая жизнь отделена от государства «конституцией свободы» [12]. Он указывал, что «система частной собственности – важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет только благодаря тому, что контроль над средствами производства распределен между множеством независимых друг от друга людей, никто не имеет над ними абсолютной власти, и мы сами можем решать, чем мы будем заниматься; если же все средства производства окажутся в одних руках, то владелец – будь то «номинальное общество» или диктатор – получит над ними неограниченную власть». Немного иные взгляды у сторонников (Дж. Роулза и К. Дженкинса) концепции либерального эгалитаризма [7], содержание которой четко определяет выравнивание социального положения людей. Обобщая основные положения этой концепции, не уменьшая значимость индивидуальной свободы, они закрепляют сочетание свободы с равенством, с участием государства в обеспечении справедливости путем создания механизма распределительных отношений. Аналогичную позицию в этом вопросе занимают Р.А. Курбанов и А.М. Осавелюк [6].

Отметим, что в настоящее время среди зарубежных ученых-правоведов популярна точка зрения о том, что народы с высокоразвитым чувством частной собственности не нуждаются в специальной конституционной защите прав на предпринимательскую деятельность и частную собственность. В Великобритании, например, нужда в конституционном закреплении прав участников рыночных отношений невелика в связи с наличием глубокой культурно-исторической традиции уважения к частной собственности и свободному рынку. В странах Восточной Европы, наоборот, конституционным судам имеет смысл предоставлять значительную защиту прав на частную собственность и предпринимательскую деятельность с целью поддержки активного развития рыночной экономики и достижения определенного уровня экономического благосостояния.

Все конституции европейских государств (в частности, после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года) закрепляют в качестве основы рыночных отношений право осуществлять предпринимательскую деятельность, для которой человеком используется личное имущество и способности. Способы закрепления в текстах конституций права на свободу предпринимательской деятельности весьма различны. Например, Конституция Ирландии использует достаточно содержательную лексическую конструкцию: «Государство должно покровительствовать и, если необходимо, поддерживать частную инициативу в промышленности и торговле. Государство должно прилагать усилия, чтобы частная предпринимательская деятельность своими действиями обеспечивало разумную эффективность производства и распределения товаров и защищало население от несправедливой эксплуатации» [4].

Опыт развития Великобритании показывает: чтобы в государстве действительно установилась свобода экономической деятельности, необходима совокупность определенных обстоятельств. К таковым, по нашему мнению, можно отнести: должную степень развития рыночной экономики, минимальный уровень правового нигилизма среди населения, отсутствие коррупционной составляющей в действиях государственных органов, позитивное отношение общества к свободной предпринимательской деятельности, наличие здоровой рыночной конкуренции и многое другое.

Можно утверждать, что по причине того, что в Великобритании были соответствующие благоприятные исторические условия, какого-либо особенного конституционно-правового закрепления норм, регламентирующих реализацию права на свободу экономической деятельности, не потребовалось.

Свобода предпринимательской деятельности четко обозначена как требование парламента в «Великой Ремонстрации» в 1641 году. Практически обеспеченной она была уже к началу XVIII века, а полностью – стала в результате борьбы сторонников свободной торговли с 40-х годов XIX века [8].

Россия, значительно позже вставшая на путь капиталистического развития, имела не настолько благополучные условия, чтобы реализовывать право на свободу экономической деятельности, как Великобритания. Тоталитарный режим, военные потрясения, длительный период «железного занавеса» — все это отразилось на изначально диспропорциональном формировании экономики с уклоном в сторону тяжелой промышленности. Однако, как отмечается в литературе, подобные обстоятельства лишь содействовали тому, что Россия, избавившись от них, быстро осознала «ценность свободы экономической деятельности, уделяла большее внимание вопросам ее законодательного обеспечения и защиты, как следствие, внесла большой вклад в развитие законодательства в этой сфере, в том числе уголовного законодательства, обеспечивающего охрану права на свободу экономической деятельности» [2].

В России базовые права и свободы были формально восстановлены на конституционном уровне поправками 1991 года к советской конституции и закреплены Конституцией Российской Федерации 1993 года [9].

Интересным с точки зрения тематики проблемы, особенно при исследовании права на свободу предпринимательской деятельности, является разработанная британскими учеными-юристами конструкция «право на свободную конкуренцию». Чтобы предприниматель имел возможность реализовать это право, необходимо наличие некоторых условий. К первому и наиболее важному стоит отнести четкое ограничение вмешательства государства в процесс рыночной конкуренции. Сюда относятся формирование цены, спроса, предложения и т.д. Второе условие – это предоставление возможностей к свободному доступу на рынок и выхода с него всем участникам отношений, что стимулировало бы состязательность в разных сферах. И, наконец, третье – отсутствие монопольного установления цен кем-либо из участников рыночных отношений. Вопрос о праве на свободную конкуренцию изучается и отечественными учеными. Так, по мнению С. Паращука, оно «по своему содержанию же права на свободу экономической деятельности и включает право каждого предпринимателя свободно вести свое дело на основе состязательности и свободы выбора» [10].

Возвращаясь к российско-правовым реалиям, нужно отметить, что и Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 34) определяет свободу как необходимое условие осуществления предпринимательской деятельности, а свобода предпринимательской деятельности отнесена к ее второй главе, которая посвящена правам и свободам человека и гражданина. Несмотря на это, юридическая конструкция права на предпринимательскую деятельность в Конституции Российской Федерации отвечает классическим теоретическим подходам по формированию обязательств государства в сфере экономических прав, согласно которым такие обязательства определяются на трех уровнях [1]. На первом уровне государство должно уважать свободу человека, выполнять необходимую деятельность и использовать при этом необходимые ресурсы. Ему соответствует ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации. Государственные обязательства второго уровня заключаются в защите свободы действий и защите ресурсов от других субъектов в экономической сфере. В контексте такого типа обязательств нормы ч. 2 ст. 34 Конституции Российской Федерации предусматривают защиту конкуренции в предпринимательской деятельности, запрет злоупотребления монопольным положением на рынке, неправомерное ограничение конкуренции и недобросовестную конкуренцию. На третьем уровне обязательств в сфере экономических прав, как отмечает Е. Асбйорн, государство должно осуществлять надежды своих граждан по использованию права на питание. В этом случае государство обеспечивает социальный характер предпринимательской деятельности в России. Эти три уровня, по мнению Е. Асбйорна, определяют сущность права на свободу предпринимательской деятельности.

Конституция Российской Федерации не раскрывает самого содержания права на предпринимательскую деятельность, в отличие от других прав, например, права на труд или права собственности. В этой ситуации следует согласиться с утверждением, что конституционно-правовая норма, которая декларирует право на предпринимательскую деятельность, достаточно четко обозначает вектор направленности правового регулирования экономических отношений в смысле текущего законодательства, в первую очередь гражданского и других кодексов нашего государства. Высказанная идея о несовершен-

стве конституционно-правового регулирования свободы предпринимательской деятельности в России может быть дополнительно обоснована с использованием зарубежного конституционного опыта. Так, в ст. 27 Конституции Швейцарии «Экономическая свобода», во-первых, определена гарантированность экономической свободы, во-вторых, отмечено, что экономическая свобода включает, в частности, свободный выбор профессии, а также свободный доступ к предпринимательской деятельности и ее свободное осуществление [11]. Согласно нормам Конституции Испании (ст. 38), признается свобода предпринимательской деятельности в рамках рыночной экономики, а государство гарантирует и охраняет ее осуществление [3]. Конституция Италии устанавливает основы предпринимательской деятельности такой формулировкой: «частная хозяйственная инициатива свободна» (ст. 41). Конституционная практика Португалии предусматривает свободу предпринимательской деятельности и инициативы в рамках смешанной экономики одним из основополагающих принципов экономической организации общества (ст. 80 Конституции Португалии); в соответствии со ст. 86 Конституции Португалии государство создает условия для активизации предпринимательской деятельности [3].

Свобода предпринимательской деятельности как базовая конституционная категория, по сути, предусматривает свободную и инициативную деятельность физического лица, может осуществлять такую деятельность, в том числе применяя механизм юридического лица. Даже если юридическое лицо основано исключительно другими юридическими лицами, на начальном этапе таких отношений первоисточником предпринимательской деятельности является физическое лицо. Следует согласиться с утверждением, что диапазон потенциальных носителей права на предпринимательскую деятельность в конституционно-правовом смысле значительно шире, чем круг субъектов предпринимательской деятельности в гражданско-правовом аспекте.

Конституцией РФ установлены и закреплены такие права предпринимателей как: право на защиту своих интересов и прав всеми способами (ч. 3 ст. 45), право на защиту в суде (ст.ст. 46 и 47), право на получение компенсации в случае причинения ущерба (ст. 52), право на возмещение вреда, причиненного государством (ст. 53), право на защиту от недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34), право на свободное перемещение товаров, услуг, финансов (ч. 1 ст. 74). Особое значение в системе обеспечения этих прав имеют конституционные гарантии. Под конституционными гарантиями понимается совокупность правовых норм и институтов, обеспечивающих защиту конституционных принципов, прав человека, основ конституционного строя, выполнения конституционных обязанностей и функционирования различных органов публичной власти [5].

Границы свободы субъектов рыночных отношений закрепляются, безусловно, гражданским законодательством, которое регламентирует различные виды и все сферы предпринимательской деятельности. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что законодательством Российской Федерации установлены известные пределы свободы предпринимателей, их права, обязанности, а также ответственность. Экономическая свобода является одним из определяющих условий развития предпринимательской деятельности. При наличии в обществе экономических свобод каждый законопослушный гражданин имеет право, используя свои способности и возможности, заниматься активной экономической деятельностью.

Список литературы

1. *Асбйорн Е.* Минимальный уровень реализации социально-экономических прав // *Права человека: Концепции, подходы, реализация* / под ред. Б. Зизик; голов.ред. серии и автор предм. Дж Перлин; науч. ред. В. Дубровский: пер. с англ. К.: Изд-во “Ай Би”. 2003. 189–190 с.
2. *Жилинский С.Э.* Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учебник для вузов / Жилинский С.Э. М.: Издательство НОРМА, 2000. 672 с.
3. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вступ. ст. Окунькова Л.А. – М.: Издат. группа “ИНФРАМНОРМА”, 1997. С. 429, С. 543–545.
4. Конституция Ирландии от 1937 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.irishstatutebook.ie/en/constitution/> ст. 45.
5. *Куксин И.Н., Зеко Л.Ю.* Институт бизнес-омбудсмена в системе гарантий права на свободу предпринимательской деятельности / Куксин И.Н., Зеко Л.Ю. // *Право и образование.* 2016. № 12 – С.128-132.

6. Курбанов Р.А., Осавелюк А.М. АЛБА как экономический региональный блок: правовые аспекты // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2012. – № 7 8 (67). С. 128-136.
7. Михайленко Е.М. Гражданское право: общая часть [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://lib.rus.ec/b/204381>.
8. Мау В. Институциональные предпосылки современного экономического роста / Мау В., Яновский К., Жаворонков С., Маслов Д. М. : ИЭПП, 2007. С.16.
9. Мау В. Институциональные предпосылки современного экономического роста / Мау В., Яновский К., Жаворонков С., Маслов Д. М. : ИЭПП, 2007. С.39.
10. Паращук С. Конкуренция: от экономической многозначности к правовой определенности. Право на конкуренцию / Паращук С. // Хозяйство и право. 1998. № 12. С. 14–15.
11. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss-r.htm ст. 27.
12. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. / Hayek F.A. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – 103 p.

THE RULE OF LAW AND ITS ROLE IN PROTECTING THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS

Kuksin I.N.,

*doctor of legal Sciences, Professor,
honored lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of criminal law disciplines
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru,
of the Law Institute, Moscow city pedagogical University, Moscow, Russia,*

Zeko L.Yu.,

*head of legal Department
of open company “Plaza”
<https://www.k-agent.ru/catalog/7708552668-1057746243829>*

The constitutional-legal aspect of the nature of freedom of entrepreneurial activity in the Russian Federation and Western countries, in particular, in Great Britain

Keywords: entrepreneurial activity, economic activity, freedom of entrepreneurial activity, the right to freedom of entrepreneurial activity, the Constitution of the Russian Federation, the constitutions of foreign countries, constitutional law

УДК 347.61/.64

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Липунов Валерий Иванович,
канд. юрид. наук, доцент,
декан юридического факультета,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<https://www.muiiv.ru>

В настоящей статье анализируются правовые основы осуществления государственной семейной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: Семья, семейная политика, семейное право

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-23-28

Значение семьи в современном мире трудно переоценить. Семья является ячейкой общества, в которой проходит процесс воспроизводства человека и воспитание граждан страны. Общественно значимыми функциями семьи являются – рождение, воспитание, содержание и социализация детей, сохранение физического, психологического и эмоционального здоровья ее членов, а также духовное развитие членов семьи и всего общества, сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей [1].

На отношение к семье в обществе влияют многие факторы: от канонов господствующей на данной территории религии до традиций и обычаев народов, населяющих страну. Одним из важнейших факторов, влияющих на положение семьи в обществе, является официальная позиция государства, закрепленная в действующем законодательстве. Основные принципы отношений семьи и государства, как правило, отражаются в Конституциях государств. Например, Конституция Италии (ст.31) устанавливает, что Республика экономическими и другими мерами способствует созданию семьи и выполнению ею обязанностей, уделяя особое внимание большим семьям. [2, с. 94].

В Германии «браки и семьи находятся под особой охраной государства». В Основном законе Германии закреплено, что забота о детях и их воспитание являются естественным правом родителей и их преимущественной обязанностью, а государство при этом обладает правом контроля за исполнением этих обязанностей.

В законодательстве некоторых стран предусматривается обязанность супругов осуществлять планирование рождаемости. Начиная с 70-х годов XX века в Китае реализовывалась политика «одна семья – один ребенок». В конце октября 2015 года в КНР было официально объявлено, что политика «одна семья – один ребенок» будет отменена и количество допустимых для любых семей детей будет увеличено до двух. Соответствующие поправки в Закон о населении и планировании семьи были приняты 27 декабря 2015 года и вступили в силу с 1 января 2016 года [3].

В Конституции Японии предусмотрены принципы формирования семьи: принцип взаимного согласия мужчины и женщины, принцип равенства мужа и жены, принцип государственной поддержки семьи [2, с. 430].

Краткий обзор подходов государства к правовому регулированию семьи в разных странах свидетельствует о том, что, не смотря на многие различия: политические, социальные, экономические, национальные и другие, в целом в законодательстве находят воплощение общечеловеческие ценности в сфере брака и семьи. Семья является основой общества и государства. В свою очередь, государство и общество берут на себя ответственность за сохранение, развитие и оказание всяческой поддержки институту семьи. [4 с.339]

Конституция Российской Федерации заботу о семье считает предметом особой заботы государства. В статье 38 Конституции РФ провозглашено: «...материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитании – равное право и обязанность родителей. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях». Эта консти-

туционная норма нашла свое полное отражение в Семейном кодексе РФ: в ст. 1 говорится, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства.

В Российской Федерации конституционные положения, определяющие отношения между семьей и государством развиваются в Семейном кодексе Российской Федерации, других нормативных правовых актах и реализуются через осуществление государственной семейной политики. В Российской Федерации государственная семейная политика представляет собой одно из важнейших направлений социальной политики государства. Цель и главные принципы государственной социальной политики направлены на приоритет общечеловеческих ценностей, построение социального правового государства на демократических основах.

Государственная семейная политика в Российской Федерации представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей.

Государственная семейная политика в России начала формироваться в 90-е годы XX столетия, когда общество, регионы осознали необходимость новых государственных целевых программ в отношении семьи. После выхода указа Президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики» от 14 мая 1996 г. № 712 семейная политика получила государственный статус. В указе сформулированы цель, принципы, основные направления и место семейной политики в социальной политике.

Вышедший до этого целый ряд нормативных документов в отношении женщин и детей имеет объективную взаимосвязь и направлен в адрес семьи. К ним можно отнести Концепцию государственной семейной политики (1991 г.); указ Президента РФ «Об основных направлениях государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года» от 14 сентября 1995 г. № 942; постановление Правительства РФ «О плане действий по улучшению положения детей в Российской Федерации на 1995—1997 годы» от 13 января 1996 г. № 28; ряд указов Президента РФ по вопросам Президентской федеральной целевой программы «Дети России»; указ Президента РФ «О национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению ее роли в обществе до 2000 года» от 18 июня 1996 г. № 932; Семейный кодекс РФ.

В современных условиях руководство страны продолжает уделять большое внимание укреплению семьи. 25 августа 2014 года Распоряжением Правительства Российской Федерации N 1618-р была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Необходимость разработки и реализации этого документа была обусловлена стоящими перед обществом задачами социально-экономического и демографического развития. Концепция направлена на развитие основных направлений государственной семейной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. N 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики», в новых социально-экономических и политических условиях.

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации была разработана во взаимосвязи с другими нормативными документами и программами. Среди них: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [5], Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы [6], Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [7].

Основными принципами современной государственной семейной политики Российской Федерации являются:

- самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни;
- равенство семей и всех их членов в праве на поддержку независимо от социального положения, национальности, места жительства и религиозных убеждений;
- презумпция добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе;
- ответственность каждой семьи за воспитание, образование и развитие личности ребенка (детей) и за сохранение его здоровья;

- партнерство семьи и государства, а также сотрудничество с общественными объединениями, благотворительными организациями и предпринимателями;
- дифференцированный подход к предоставлению гарантий по поддержанию уровня жизни для нетрудоспособных членов семьи и создание экономически активным членам семьи условий для обеспечения благосостояния на трудовой основе;
- единство принципов и целей семейной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- обеспечение доступности адресной, своевременной и эффективной помощи для нуждающихся в ней семей, в особенности отнесенных к группам социального риска, а также равного доступа к социальным услугам для всех семей.

Государственная семейная политика Российской Федерации ориентируется на такие приоритеты, как утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

К традиционным семейным ценностям в Российской Федерации относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

Не секрет, что в современных условиях России приходится активно отстаивать традиционные семейные ценности. Западная Европа навязывает нам дискуссию по вопросу однополых браков. Общеизвестно, что к настоящему времени уже достаточно много европейских государств приняли специальные законы, разрешающие такие браки (Дания в 1989 г., Норвегия в 1993 г., Швеция в 1994 г., Нидерланды в 1997 г., Исландия в 1999 г., Фин-ляндия в 2001 г., Франция в 2012 г и др.). В одних странах принятие этих законов прошло почти незамеченным событием, в других предпринималось несколько попыток юридического закрепления этих союзов. Российское общество отвергает нетрадиционные семьи. Локальные исследования, проведенные Российской академией наук, показывают, отношение граждан к сексменьшинствам «явно смещено к отрицательному полюсу»[8].

В Советском Союзе гомосексуальные отношения признавались преступлением. В Российской Федерации мужеложство было декриминализовано в 1993 году [9] путем внесения изменения в ст.121 Уголовного кодекса РСФСР. Действующий Уголовный кодекс РФ мужеложство преступлением не считает.

Российское семейное право признает лишь разнополые браки. Российский законодатель закрепил принадлежность лиц, вступающих в брак, к разному полу, как обязательное условие брачного союза (п. 1 ст. 12 Семейного кодекса РФ).

Отношение российского государства по вопросу однополых браков было отражено в Определении Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» [10]. Конституционный Суд РФ установил, что данная норма не нарушает прав и свобод человека и гражданина, поскольку традиционно брак рассматривается как биологический союз мужчины и женщины и направлен на создание семьи, а одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей. А также, по мнению Конституционного Суда РФ, легализация однополых союзов не будет способствовать решению демографической проблемы на территории России.

Целями современной государственной семейной политики Российской Федерации являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития.

Основными задачами государственной семейной политики в Российской Федерации на современном этапе являются:

- развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции;
- развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей;
- создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов;
- повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании;
- содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи;
- обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства;
- профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности;
- повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Реализацию государственной семейной политики предполагается осуществлять посредством нормативно-правового обеспечения, включая совершенствование семейного законодательства Российской Федерации;

Ресурсами для успешной реализации государственной семейной политики являются развитая доступная инфраструктура организаций – субъектов семейной политики, а также материально-техническое, кадровое и финансовое обеспечение реализации мероприятий Концепции.

Итогом реализации Концепции станет сформированная к 2025 году система мер, направленных на создание условий для удовлетворения интересов и запросов семей, повышения их экономической независимости, роли в самореализации личности, воспитании новых поколений, укреплении престижа брака и семейного образа жизни. Ожидается, что это приведет к:

- уменьшению доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации;
- сокращению числа неработающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан;
- увеличению численности детей в возрасте до 3 лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу;
- достижению положительной динамики демографических показателей;
- уменьшению числа разводов;
- увеличению организаций и объема услуг, ориентированных на семейное проведение досуга;
- увеличению доли семей, улучшивших жилищные условия, в общем числе семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий;
- сокращению доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов;
- уменьшению числа отказов от новорожденных в родильных домах;
- снижению числа возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- снижению доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения;
- увеличению доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываемых в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. N 1618-р.
2. Конституции зарубежных стран./Сост. Дубровин В.Н. М.: Изда-тельство «Юрлитинформ», 2003.
3. 3. *Top legislature amends law to allow all couples to have two children* // Xinhuanet. 2015-12-27 15:18:58 | Editor: Tian Shaohu.
4. *Липунов В.И.* Семейное право России: современные проблемы правового регулирования// Актуальные проблемы правового развития России: материа-лы Всероссийской научно-практической конферен-ции / под ред. Ю.С. Руденко, В.И. Липунова. [Электронное издание]. – М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2016, с. 339
5. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»
6. Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. N 761 «О Национальной стратегии дей-ствий в интересах детей на 2012-2017 годы»
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р
8. *Смирновская С.И.* Конституционные предпосылки социально-правовой защиты семьи //20-летие Конституции Российской Федерации: практика реализации принципов конституционализма в условиях развития российской правовой традиции. Туапсе. 2013.
9. *Солодовников В.В.* Социально дезаптированная семья в контексте общественного мнения // Социс. 2004. №6.
10. Определении Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. «Об отказе в принятии к рассмотре-нию жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного ко-декса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2007. № 5. 344

THE STATE FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATUS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Lipunov V.I.,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law, Moscow Witte University
<https://www.muiiv.ru>*

This article analyses the legal basis for the implementation of State family policy of the Russian Federation.

Keywords: Family, family policy, family law

УДК 349.6

АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ, ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНОГО МИРА

Максимушкин Максим Николаевич,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
e-mail: supermax62@mail.ru,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани
<https://www.muiv.ru/ryazan>

В статье исследуются вопросы освещения в российском законодательстве правового регулирования охраны и использования объектов животного мира.

Ключевые слова: животный мир, среда обитания, воспроизводство, охрана и регулирование, Красная книга РФ, государственный учет

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-28-31

Важнейшим достоянием российского народа, важнейшей его ценностью является животный мир. Данный природный ресурс – один из главных элементов природы, свидетельствующий о биологическом разнообразии планеты. Это важнейший компонент, стабилизирующий биосферу, являющийся ключевым регулятором природной среды. Ценность животного мира обосновывается тем, что он призван удовлетворять потребности людей, как духовные, так и материальные.

Согласно статье 1 Федерального закона от 29 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире», животный мир характеризуется как совокупность всех живых особей всех видов диких животных, населяющих территорию Российской Федерации (как временно, так и постоянно), находящихся в состоянии естественной свободы, а также являющихся природными ресурсами континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации. Деятельность, направленная на достижение устойчивого существования животного мира, на сохранение его биологического разнообразия, а также на обеспечение способности воспроизводства и повсеместного использования животных, называется охраной животного мира.

Стоит учитывать, что российское законодательство в рамках Закона «О животном мире» принимает под охрану только тех животных, которые обычно относят к объектам охоты (или рыболовства), а также любые объекты животного мира, которые находятся в условиях естественной свободы. Кроме того, указанный закон регулирует охрану и использование животных, которые находятся в искусственно созданной среде обитания (к примеру, рыбоводники) с целью сохранения генетического фонда объектов животного мира, иных научных целях. В то же время, отношения по поводу диких животных, содержащихся в неволе (зоопарки), а также видов животных, относящихся к домашним, не относятся к сфере деятельности этой сферы российского законодательства. Такие виды животных не признаются объектами животного мира в узком смысле. Их воспроизводство, сохранение и охрана регулируются гражданско-правовым законодательством.

Использование объектов животного мира, не приводящее в долгосрочный период к истощению его биологического разнообразия, способствующее сохранению способности животного мира к устойчивому существованию и воспроизводству, называется устойчивым использованием объектов животного мира.

К важнейшим принципам охраны животного мира, а также его использования, восстановления и развития среды его обитания относятся следующие:

- обеспечение устойчивого использования и существования объектов животного мира;
- содействие мерам, направленным на охрану объектов животного мира и их среды обитания;
- недопустимость использования животного мира такими способами, которые связаны с жестоким обращением с животными, и не основаны на общих принципах гуманности;

- невозможность совмещения мероприятий по использованию объектов животного мира с мероприятиями по осуществлению контроля за охраной и использованием животного мира и среды его обитания со стороны государства;

- содействие мерам по участию общественных организаций и отдельных граждан в решении задач по охране, воспроизводству и устойчивому использованию объектов животного мира;

- разделение права использования земли и других природных ресурсов от права использования животного мира, находящегося на них;

- пользование животным миром на возмездной основе;

- приоритет положений международного права в сфере использования, охраны и восстановления объектов животного мира и среды его обитания.

В целях сохранения, воспроизводства животного мира и среды его обитания использование некоторых видов объектов животного мира на ряде территорий и акваторий может быть законодательно ограничено либо вообще запрещено, как постоянно, так и на некоторое время. Указанное полномочие возлагается на органы исполнительной власти Российской Федерации или органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации по представлению соответствующих уполномоченных государственных органов в сфере охраны, контроля и регулирования использования объектов животного мира, в частности, Росприроднадзора. Данная федеральная служба является подведомственной Министерству природных ресурсов Российской Федерации. Помимо этого, ряд полномочий по управленческой деятельности в указанной сфере исполняется Федеральным агентством по рыболовству и Россельхознадзором. Это связано с тем, что именно рыболовство и охота являются самыми распространенными и наиболее востребованными видами использования животного мира.

Решение задачи по сохранению объектов животного мира возможно выполнять, закрепив виды пользования животным миром с запрещением изъятия объектов животного мира из среды обитания, организуя использование этих объектов без их изъятия из среды обитания. Это относится и к сфере организации экологического туризма, а также рекреационных целей. Вопросам сохранения среды обитания объектов животного мира российское законодательство уделяет большое значение. Предписано, что та деятельность, которая влечет за собой трансформацию среды обитания объектов животного мира, либо может повлечь за собой ухудшение условий для их миграции, отдыха, размножения, должна осуществляться с соблюдением обеспечивающих охрану животного мира требований. Любая деятельность в сфере экономики, хозяйствования, которая может быть связана с использованием объектов животного мира, может осуществляться только в тех случаях, когда объекты животного мира, разрешенные к использованию, не ухудшат среду своего обитания и не причинят вреда лесному, водному, сельскому хозяйству.[3]

Таким образом, проектирование и строительство различных объектов (здания, сооружения, населенные пункты), разработка, внедрение и реконструкция технологических процессов, прокладывание туристических маршрутов и организация мест массового отдыха людей, мелиорация земель, лесозаготовительные и геолого-разведывательные работы, добыча полезных ископаемых и прочие виды хозяйственной деятельности в различных сферах экономики должны предусматривать параллельное проведение мероприятий по сохранению естественной среды обитания для объектов животного мира, условий их миграции, отдыха, размножения, нагула и по обеспечению неприкосновенности защитных участков соответствующих территорий, акваторий. [4]

Аналогичные требования по обеспечению сохранения для объектов животного мира мест постоянного проживания, концентрации, путей миграции, в том числе в период зимовки, размножения должны соблюдаться при проектировании, строительстве и размещении аэродромов, транспортных магистралей (автомобильные, железнодорожные, трубопроводные), линий связи и электропередачи, гидротехнических сооружений (плотины, каналы).

С целью сохранности мест обитания объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения, ценных в научном и хозяйственном отношении, редких выделяются специальные, «защитные» участки территорий, акваторий, которые необходимы для осуществления их естественных жизненных циклов (миграция, отдых, нагул, размножение, выращивание молодняка и пр.). На подобных защитных участках ряд видов хозяйственной деятельности запрещен либо время, сроки, технологии их проведения регламентированы во избежание нарушения жизненных циклов объектов животного мира.[1]

К основным организационно-правовым инструментам государственного регулирования использования и охраны объектов животного мира российское законодательство относит:

- государственный учет;
- государственный кадастр;
- экологическая экспертиза;
- государственные программы в сфере охраны объектов животного мира и среды их обитания;
- государственный мониторинг объектов животного мира;
- нормирование в области использования и охраны животного мира и среды его обитания;
- государственный контроль в данной области.[2]

Специальные меры по охране объектов животного мира и среды его обитания используются для особо охраняемых природных территориям (национальные парки, заказники, заповедники и т.п.), а также находящихся под угрозой исчезновения, редких объектах животного мира, занесенных в Красную книгу. Недопустимы такие действия, которые способны привести к нарушению среды обитания, сокращению численности или гибели занесенных в Красную книгу объектов животного мира. Граждане и юридические лица, которые осуществляют свою хозяйственную деятельность на территориях, акваториях с обитанием животных, занесенных в Красную книгу, несут ответственность за сохранение, воспроизводство объектов животного мира в соответствии с российским законодательством, а также с законодательством субъектов Российской Федерации [5].

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что обязанностью соответствующих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации является обязанность по созданию необходимых условий для сохранения, воспроизводства находящихся под угрозой исчезновения, редких объектов животного мира. Одним из путей исполнения указанных полномочий является создание и организация питомников, специализированных зоопарков.

Для того, чтобы дикие животные, принадлежащих к занесенным в Красную книгу Российской Федерации видам, в исключительных случаях могли становиться частью делового оборота, необходимо наличие выдаваемого специально уполномоченным государственным органом по охране окружающей природной среды разрешения. Выпуск указанных животных в естественную среду обитания, а также их содержание в неволе также допускаются в исключительных случаях, определенных Правительством РФ.

Список литературы

1. *Горохов Д.Б., Горохова Ю.В.* Проблемы регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика. – 2015. – № 4. – С. 14-20.
2. *Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева.* – М., 2014.
3. *Минина Е.Л.* Проблемы правового регулирования обращения с животными // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 80-82.
4. *Романова И.Н.* К вопросу о страховании ответственности за вред, причиненный окружающей природной среде при осуществлении предпринимательской деятельности / И.Н. Романова // Юрист. – 2016. – № 9.- С. 30-32.
5. *Романова И.Н.* Правовое обеспечение страховой защиты имущественных интересов и предпринимательских рисков в условиях современности / И.Н. Романова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2016. – № 5. – С. 25-30.

ANALYSIS OF LEGAL INSTRUMENTS OF REGULATION OF PROTECTION AND USE THE ANIMAL WORLD

Maximushkin M.N.,

*Associate professor Civil law and process
e-mail: supermax62@mail.ru,
Ryazan Branch of Moscow Witte University
<https://www.muiv.ru/ryazan>*

The article examines the issues of lighting in the Russian legislation of legal regulation of protection and use of objects of fauna.

Keywords: fauna, habitat, reproduction, conservation and management, the Red book of the Russian Federation, state registration

УДК 347.627.2

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Романова Ирина Николаевна,

канд. юрид. наук,

декан юридического факультета,

e-mail: romanova@miiv.ru,

филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани

<https://www.miiv.ru/ryazan>

В статье исследуется специфика и порядок раздела супружеского имущества; анализируются научные точки зрения и судебная практика по исследуемой проблематике; формулируются конкретные выводы.

Ключевые слова: расторжение брака, раздел имущества, законный режим имущества супругов, договорный режим имущества супругов, право общей совместной, право общей долевой собственности, право раздельной собственности

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-31-37

При рассмотрении судами РФ дел по спорам о расторжении брака наиболее сложные вопросы возникают не по поводу возможности или невозможности сохранения семьи, которая к данному моменту, как правило, фактически уже распалась, а по поводу раздела имущества, нажитого супругами во время брака. Этот вопрос подлежит судебному разбирательству в соответствии с п.2 ст. 24, в котором закреплено, что в случае отсутствия соглашения между супругами, суд обязан по требованию супругов (одного из них) произвести раздел имущества, находящегося в их совместной собственности. При этом, если раздел имущества затрагивает интересы третьих лиц, суд вправе выделить требования о разделе имущества в отдельное производство (п.3 ст. 24 СК РФ). Указанное правомочие суд может реализовать в таких, например, случаях, когда расторжение данного брака затрагивает интересы крестьянского (фермерского) хозяйства, членами которого являются супруги, или предстоит осуществить раздел жилого помещения, в котором, кроме супругов, проживают другие члены их семьи, и по которому собственникам предстоит еще выплачивать банковский кредит, и т.д.. В силу сложности одновременного рассмотрения и разрешения таких споров, суд может разделить производство по ним в отдельные судебные процедуры, что позволит более эффективно осуществить подготовку дела к судебному заседанию и его разбирательство в суде с непосредственным участием третьих лиц, на интересы которых может повлиять решение о расторжении брака.

Порядок осуществления раздела супружеского имущества зависит от того, какой режим действует в отношении этого имущества – законный (гл.7, ст. 33 СК РФ) или договорный, то есть установленный заключенным супругами брачным договором (гл. 8 СК РФ). В настоящее время в подавляющем большинстве случаев имущество, приобретаемое супругами, подпадает под действие именно законного режима, в соответствии с которым все имущество, приобретенное супругами во время брака, является их общей совместной собственностью так как заключение брачных договоров пока не получило в России достаточно широкого распространения. Основные положения об общей супружеской собственности первоначально были закреплены в ст. 256 ГК РФ «Общая собственность супругов», и только затем они были расширены и конкретизированы в гл. 7 СК РФ.

Законный режим имущества означает, что у супругов возникает право общей совместной собственности на все имущество, приобретаемое ими в браке (п.1 ст. 34 СК РФ). Следует отметить, что режим общей совместной собственности супругов на нажитое ими имущество предусматривался Кодексом о браке и семье РСФСР 1969 г. Он был сохранен (с введением как альтернативы договорного режима) и СК РФ, который значительно расширил перечень имущества, которое может принадлежать супругам на праве частной собственности. К такому имуществу относится любое движимое и недвижимое имущество, не изъятое из гражданского оборота, а также различные имущественные права (ст. ст. 128, 129 и 213 ГК РФ).

Право общей совместной собственности возникает на все доходы, полученные каждым из супругов в результате его трудовой, предпринимательской или творческой деятельности, а также пенсии, пособия и иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения. Таким образом, любые денежные средства, предназначенные к выплате одному из супругов, в силу прямого указания закона поступают в общую совместную собственность обоих супругов, независимо от размера и соотношения доходов, получаемых каждым из них.

Законный режим распространяет свое действие не только на получаемые супругами доходы, но и на приобретаемые ими вещи. В соответствии с п.2 ст. 34 СК РФ общим имуществом супругов являются приобретенные за счет общих доходов движимые или недвижимые вещи, а также акции, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество. В настоящее время в собственности граждан могут находиться предприятия, средства массовой информации, здания, сооружения, любое имущество производственно-технического, потребительского, социального или культурного назначения, а также земельные участки и любые транспортные средства, и если любое из названных видов имущества было приобретено в браке независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или кем из супругов были внесены в банк или иную кредитную организацию денежные средства, это имущество поступает в общую совместную собственность супругов.

Это означает, что если, предположим, приобретенные во время брака квартира, автомобиль, гараж и земельный участок были зарегистрированы на мужа, на чьи доходы от осуществления предпринимательской деятельности и были куплены названные объекты, они находятся в общей совместной собственности и его жены, даже если она никаких доходов вообще не имеет, так как в соответствии с п. 3 ст. 34 СК РФ право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода. Данное положение закона имеет своей целью обеспечение охраны имущественных прав и законных интересов того из супругов, который по уважительной причине (чаще всего это уход за детьми или иными близкими родственниками) был лишен возможности трудоустройства или осуществления предпринимательской, коммерческой, творческой деятельности, в связи с чем не имел собственных доходов. Как правило, в такой ситуации оказываются жены, но закон не исключает возможности ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми и мужем. Поскольку важнейшим принципом семейного права является принцип равенства прав мужчины и женщины, муж также имеет право общей совместной собственности на все доходы, получаемые его супругой, и на все имущество, приобретенное в браке на эти доходы.

Многочисленные вопросы, возникающие при реализации супругами права общей совместной собственности на приобретенное ими имущество, анализируются и разъясняются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». В п.15 данного постановления закреплено, что «общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу, является любое имущество, которое в силу ст. ст. 128, 129 и 213 ГК РФ может быть объектом собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или были внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества». Данное положение подлежит неукоснительному исполнению судами, рассматривающими дела по искам о разделе супружеского имущества.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, поступает ли в общую совместную собственность имущество, приобретенное одним из супругов в период брака, но на личные средства, поскольку соответствующие споры довольно широко распространены в судебной практике. Полагаем, что такое имущество становится личной собственностью супруга, на чьи средства оно было приобретено. Данный вывод закреплен в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. №15, и следует согласиться с авторами, утверждающими, что суды правильно признают собственниками имущества тех супругов, на чьи личные средства была приобретена соответствующая недвижимость [2].

Не являются общей собственностью также личные вещи каждого из супругов, к которым относятся вещи индивидуального назначения – обувь, одежда, украшения, вещи, используемые в профессиональной деятельности, спортивный инвентарь или спортивная форма каждого из супругов. Но и среди

личных вещей мужа и жены имеются предметы, которые признаются их общей совместной собственностью, если они были приобретены во время брака на общие супружеские доходы – это драгоценности и иные предметы роскоши. К драгоценностям относятся драгоценные камни и ювелирные изделия с их использованием, а также изделия из драгоценных металлов – золота, серебра, платины и др.

Перечня вещей, которые могут считаться предметами роскоши, в СК РФ не содержится, поскольку данное понятие носит ярко выраженный оценочный характер, и решение вопроса о том, относится ли к предметам роскоши то или иное имущество одного из супругов, зависит от уровня жизни и размеров доходов каждой конкретной семьи. В определенных случаях к предметам роскоши можно отнести и вещи, не являющиеся драгоценностями. Это, например, верхняя одежда из дорогостоящих мехов, дизайнерские платья и костюмы, обувь, сумки или иные аксессуары, изготовленные всемирно известными производителями, стоимость которых может значительно превышать уровень доходов данной супружеской пары.

Перечень предметов, относящихся к личной собственности каждого из супругов, дополнен указанием на суммы материальной помощи или суммы, выплачиваемые одному из супругов в возмещение вреда, причиненного ему в связи с повреждением здоровья, увечьем, утратой трудоспособности, а также и иные выплаты, имеющие строго целевой характер. Такой вывод следует из содержания п.2 ст. 34 СК РФ, а в п. 3 ст. 36 СК РФ указан еще один вид личной собственности каждого из супругов: исключительные права на результат интеллектуальной деятельности, созданный одним из них. В качестве такого результата могут выступать любые объекты права интеллектуальной собственности, охраняемые действующим законодательством, перечень которых закреплен в ст. 1225 ГК РФ: произведения науки, литературы и искусства, изобретения, полезные модели и промышленные образцы и др.. Право на объект, созданный в результате творческой, интеллектуальной деятельности одного из супругов, принадлежит этому супругу и не входит в состав общей совместной супружеской собственности. Данное положение СК РФ базируется на основах правового регулирования отношений в сфере творческой деятельности и на положениях ГК РФ о признании и охране исключительных прав на результаты такой деятельности.

Признавая исключительное право на достигнутый творческий результат только за его создателем, то есть за автором, гражданское и семейное законодательство относит к общей совместной собственности все доходы, полученные от использования данного результата в гражданском обороте. В соответствии со ст. 256 ГК РФ, доходы, полученные от использования результата интеллектуальной деятельности, достигнутого одним из супругов, являются совместной собственностью супругов, если брачным договором между ними не установлено иное (абз.4 п.2 ст. 256 ГК РФ, введенный Федеральным законом от 18.12.2006 г. № 231 –ФЗ).

На практике довольно широко распространены ситуации, когда брак расторгают супруги, которые на протяжении более или длительного времени проживают раздельно и не ведут общего хозяйства. При расторжении брака между ними неизбежно возникает вопрос о том, какой правовой режим будет действовать в отношении имущества, приобретенного супругами после того, как они стали проживать раздельно. Поскольку в соответствии со ст. 31 СК РФ супруги свободны в выборе профессии, рода занятий и места жительства, раздельное проживание отнюдь не всегда означает прекращения брачных отношений, которые супруги могут поддерживать и на расстоянии. Предположим, жена остается дома, осуществляя уход за детьми, а муж переезжает в другой город или даже государство. Можно ли в данном случае считать личной собственностью имущество, приобретенное каждым из них, или оно по-прежнему считается общей совместной супружеской собственностью? Решение этого вопроса, имеющего важное практическое значение, регламентируется п. 4 ст. 38 СК РФ, в соответствии с которым суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания, собственностью каждого из них, если будет установлено прекращение их семейных отношений.

Для применения данной нормы, таким образом, суд должен установить следующие обстоятельства: 1) раздельное проживание супругов и связанное с ним раздельное получение доходов и осуществление расходов каждым из них; 2) приобретение движимого или недвижимого имущества на личные средства в период раздельного проживания. Такой вывод следует из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. №5: «Если после фактического прекра-

щения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобрели, суд в соответствии с п.4 ст. 38 СК РФ может произвести раздел лишь такого имущества, которое являлось их совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства» (п.16).

Немало сложностей в судебной практике возникает и в связи с применением ст. 37 СК РФ, в соответствии с которой суд может признать имущество, принадлежащее одному из супругов, общей совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или имущества каждого из супругов либо труда одного из супругов были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость данного имущества. В качестве такого рода действий законодатель называет капитальный ремонт, реконструкцию, переоборудование и другие подобные мероприятия, в результате которых рыночная стоимость того или иного объекта, принадлежащего одному из супругов, была существенно увеличена.

Для принятия решения о признании права общей собственности на имущество, которое ранее принадлежало одному из супругов, необходимо определить соотношение стоимости этого имущества до внесения в него изменений и улучшений за счет денежных средств или трудовых усилий другого супруга и после таких действий. Если стоимость спорного объекта повысилась существенно, это дает основания распространить на него право общей совместной собственности обоих супругов.

Иногда в судебном рассмотрении и разрешении дела о расторжении брака и раздела имущества супругов встает вопрос о разделе не только общего имущества, нажитого супругами в браке, но и их общих обязательств перед третьими лицами, что обусловлено беспрецедентно широким распространением в последние годы разнообразных банковских кредитов.

В соответствии со ст. 10 СК РФ права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах ЗАГС. Исходя из ст. 308 ГК РФ, обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон. Совместные обязательства супругов, если иное не предусмотрено в заключенном ими брачном договоре, возникают только со дня государственной регистрации заключения брака в органах ЗАГС. Разрешая возникший спор, суды нижестоящих инстанций не учли названные требования закона. С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные решения и определения и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [1].

Раздел имущества, нажитого супругами во время брака, означает прекращение права общей совместной собственности на это имущество и установление права собственности каждого из супругов на принадлежащие им движимые и недвижимые вещи. При разделе имущества доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором (п.1 ст. 39 СК РФ).

Однако, из этого общего правила предусмотрены исключения: суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, исходя из интересов несовершеннолетних детей, которые остаются проживать с одним из супругов (как правило, с матерью). Такое отступление возможно и тогда, когда один из супругов не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи. В подобных ситуациях законодатель признает «заслуживающими внимания» интересы другого супруга, доля которого в нажитом имуществе может быть существенно увеличена (п.2 ст. 39 СК РФ).

Приведенное положение закона отражает имеющее широкое распространение на практике ситуации, когда один из супругов уклоняется от трудоустройства и не имеет собственных доходов без уважительных причин, удовлетворяя свои потребности только за счет доходов, получаемых другим супругом, или расходует общее имущество на приобретение дорогостоящей одежды и обуви, либо спиртных напитков, наркотических средств, либо на азартные игры. При этом обстоятельства, позволяющие суду отступить от начала равенства долей в общем имуществе супругов, должны существовать на момент разрешения спора о разделе имущества, и суд должен выяснить, являются ли причины неполучения доходов одним из супругов уважительными (учеба, нахождение на лечение, нахождение на военной службе и т.п.) или неуважительными.

Определение долей каждого из супругов суд производит в идеальном выражении (1/2, 1/3, 2/3 и т.д.), то есть таким образом суд определяет долю каждого из супругов в праве собственности на тот или иной вид общего имущества, а затем по желанию супругов суд осуществляет так называемый «по-

предметный» раздел имущества, который должен соответствовать доле в праве каждого из них, устанавливая, какие конкретно движимые или недвижимые вещи поступают в единоличную собственность каждого из них.

Важное практическое значение имеет вопрос о том, прекращает ли расторжение брака режим общей совместной собственности на супружеское имущество, поскольку требование о его разделе может быть заявлено не в процессе судопроизводства, а спустя более или менее длительный период времени. Исковая давность по таким делам составляет три года (п.7 ст. 38 СК РФ). На практике супруги нередко заблуждаются, полагая, что исковая давность исчисляется с момента прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в органах ЗАГС), но это не соответствует действительности. По делам о разделе имущества течение исковой давности начинается со дня, когда разведенный супруг узнал или должен был узнать о нарушении своих прав на общее имущество (п.2 ст. 9 СК РФ, п.1 ст. 200 ГК РФ, п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. №15).

Определенные особенности имеет раздел имущества супругов, заключивших до регистрации заключения брака или уже в период семейных отношений брачный договор. Его содержание регламентируется ст. 42 СК РФ, в соответствии с которой брачным договором супруги вправе изменить предусмотренный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов, причем брачный договор может быть заключен как в отношении имеющегося у супругов или у каждого из них имущества, так и в отношении тех движимых или недвижимых вещей, которые будут ими приобретены в будущем. Таким образом, главный смысл заключения брачного договора заключается в предоставлении супругам возможности по собственному смотрению и взаимному согласию установить правовой режим, распространяющийся на движимое или недвижимое имущество, которое:

- 1) уже принадлежало супругам или одному (каждому) из них;
- 2) приобретено в период брака за счет общих доходов или доходов одного (каждого) из супругов;
- 3) будет приобретено в будущем супругами или одним (каждым) из них.

Однако названной возможностью содержание брачного договора не исчерпывается. В соответствии с абз.3 п.1 ст. 42 СК РФ супруги могут также определить имущество, подлежащее передаче каждому из них в случае расторжения брака. Приведенный перечень носит открытый характер, т.к. в этой же норме закреплено, что супруги могут включить в брачный договор любые иные положения, относящиеся к их имущественным правам и обязанностям.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

Важнейшим правовым последствием заключения брака является возникновение режима общей совместной собственности на все имущество, приобретенное супругами в браке, независимо от того, на чьи средства это имущество было приобретено, и на чье имя оно было оформлено или зарегистрировано. Однако данный правовой режим действует только в случаях, когда супруги не установили иные правила в заключенном ими брачном договоре. Кроме того, ряд вещей, названных в ст. 36 СК РФ, не поступают в общую совместную собственность, а являются личной (раздельной) собственностью одного из супругов. При разделе имущества доли супругов считаются равными, если иное не установлено в соглашении сторон, однако в предусмотренных законом случаях суд может отступить от начала равенства долей.

При рассмотрении и разрешении дела по иску о расторжении брака супругов, заключивших брачный договор, задача суда сводится к определению тех условий брачного договора, которые устанавливают режим права собственности на принадлежащее им имущество: общей совместной, общей долевой или раздельной собственности, и произвести (по требованию обоих супругов или одного из них) раздел того имущества, относительно которого в брачном договоре супруги не пришли к соглашению. При этом раздел имущества и в этом случае будут осуществляться в соответствии со ст. ст. 35-38 СК РФ.

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 мая 2011 г. № 74-В11-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 1. – С. 16-18.
2. Савельев Д.Б. Законный режим имущества супругов : коллизии между зарегистрированными и фактическими права // Российская юстиция. – 2014.- №5. – С. 16.

FEATURES OF THE DIVISION OF PROPERTY OF SPOUSES ACCORDING
TO THE CURRENT LEGISLATION

Romanova I.N.,

*Ph.D., Dean of the Faculty of Law,
e-mail: romanova@muiv.ru,
Ryazan branch of Moscow Witte University
<https://www.muiv.ru/ryazan>*

The article explores the specifics and procedure for the division of marital property; The scientific points of view and jurisprudence on the problems under study are analyzed; Specific conclusions are formulated.

Keywords: divorce, property division, Legal regime of spouses' property, The contractual regime of the property of the spouses, right Common joint, The right of common shared ownership, Right of separate property

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ванина Ксения Александровна,

магистрант 2 курса

кафедры гражданского права и процесса

e-mail: xenia.halizova@yandex.ru,

Научный руководитель – Щербакова Лилия Геннадиевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина г. Саратов,

http://piu.ranepa.ru

В статье проводится сравнительный анализ развития исполнительного производства в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, принудительное исполнение, суд

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-38-40

Федеральный закон «Об исполнительном производстве», относит к задачам исполнительного производства правильное и своевременное исполнение судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Исполнительное производство является последним рубежом судебного спора, когда лицо, чьи права нарушены, может реально воплотить в жизнь вступившее в законную силу решение суда.

Когда лицо не может получить то, что ему присуждено, это говорит о несовершенстве законодательства, судебной системы и исполнительного производства в частности, подрывает доверие граждан к судебной системе, поражает правовой нигилизм, дискредитирует судебную власть, поскольку, как справедливо, сказано «для функционирования любой судебной системы и системы государственной власти в целом необходимо надлежащее исполнение решений судов и соответствующих органов государственной власти» [1, с.6].

По словам В.Ф. Яковлева отсутствие надлежащей системы исполнения судебных решений, это сегодня, одна из главных проблем всего государства [2, с.9].

Как отметил Ю.А. Свиринов, «назрела необходимость в структурной перестройке всей системы права и кодификации норм регулирующих исполнительные правоотношения» [3].

Для российского исполнительного права может быть полезен зарубежный опыт.

Каждой стране присущи свои отличительные признаки исполнительного производства, по-разному называются и органы принудительного исполнения судебных актов.

С.И. Гладышев пишет, что «в России действия органа принудительного исполнения детерминированы законом, а участие взыскателя сводится к роли пассивного наблюдателя за ходом ведения исполнительного производства. Исполнительное же производство Англии в большей степени защищает интересы взыскателя. По его мнению, английский вариант более приспособлен к рыночным отношениям, а отдельные его инструменты могут быть использованы при доработке российского механизма исполнительного производства». Автор предлагает внести дополнение, согласно которому инструкции взыскателя являются обязательными к исполнению судебным приставом-исполнителем. Также видится справедливым предложение ученого, по примеру Великобритании, установить прогрессивный размер вознаграждения судебного пристава-исполнителя, который «должен увеличиваться и стоять в прямой зависимости от размера подлежащей к взысканию суммы и от размера реально взысканной суммы, то есть стоять в пропорциональной зависимости от результативности конкретного исполнительного производства» [4, с.4-10].

В Соединенных Штатах Америки, исполнение исполнительных документов поручено, как правило коллекторским компаниям. Однако в отличие от нашего правового поля, деятельность подобного рода в США четко регламентирована законом методами взыскания долгов. [5, с.121].

С.А. Филиппов и Т.М. Цепкова, справедливо задаются вопросом, «в отдаленной перспективе, коллекторские фирмы помогли бы в нашей стране разгрузить государственные органы принудительного исполнения, но, какое время понадобится законодателям, что бы отрегулировать деятельность «контор», занимающихся скупкой долгов, и переломить практику, зачастую, «бандитских» методов в их работе, остается неизвестным?» [7, с.47].

Для некоторых стран континентальной Европы, таких как Франция, Италия, Бельгия также допустимо возложение исполнения судебных актов частными лицами. Такие лица должны иметь соответствующую лицензию, обладать специальными познаниями.

Отдельный интерес вызывает система исполнения судебных актов в Нидерландах. Как указывается в специализированной литературе, судебный пристав несет двоякую функциональную нагрузку и сочетает в себе стороны как частного, так и государственного судебного пристава исполнителя. Такой судебный пристав, может заниматься частной практикой по возврату долгов с согласия стороны, на основе утвержденного бизнес-плана, оказывать правовые консультации и т.д. «Наличие бизнес плана является обязательным, поскольку он отражает окупаемость затрат судебных исполнителей»[8].

Таким образом, «жесткая регламентация «частной» системы принудительного исполнения, а также высокий уровень правосознания, помогают реальному исполнению решений гражданско-правового характера в европейских странах» [7, с.48].

Отдельно следует описать исполнительное производство Германии, которое содержится в книге 8 Гражданского процессуального уложения ФРГ.

По мнению М.А. Даниляна, и др. «в процессуальной форме принудительного исполнения Германии, эффективно реализуются институты, которые могут быть полезны и российскому правоприменителю» [9, с. 3-8].

Гражданское процессуальное уложение ФРГ, основано на идеи, которая заключается в том, чтобы должник в ходе исполнительного производства в Германии самостоятельно погасил имеющуюся у него задолженность. То есть закон мотивирует должника к добровольному исполнению судебного решения, что позволит в максимальной степени сократить издержки государства на исполнение исполнительного документа, которые являются достаточно затратными. Во всех этих аспектах призван на помощь судебный пристав.

Следует обратить внимание российскому законодателю и на порядок по которому происходит возбуждение исполнительного производства.

Так, по российскому законодательству, после получения копии решения суда, истцу следует обратиться в суд выдавший решение с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения данного суда.

В Германии же, основанием по которому происходит возбуждение исполнительного производства, является копия решения суда, на которой служащим суда, проставляется исполнительная надпись с текстом: «заверенная копия вышестоящего документа выдается для целей принудительного исполнения».

Думается, такой порядок возбуждения исполнительного производства просто необходим российскому законодательству, в связи с катастрофической загруженностью судов. Кроме того такой порядок позволяет в значительной степени снизить расходы государственного бюджета, на изготовление исполнительных листов, которые являются документами строгой отчетности, что также упрощает бюрократические проволочки в связи с нередкими случаями утерь исполнительных листов по вине сторон или службы судебных приставов исполнителей.

Таким образом, можно заключить, что концепция исполнительного производства некоторых стран сильно отличается от отечественного.

Отдельные положения заслуживают пристального внимания законодателя, их можно было бы успешно интегрировать в национальное исполнительное право для дальнейшего совершенствования деятельности службы судебных приставов по применению мер принудительного исполнения.

Список литературы

1. *Вставская И.М., Савченко С.А.* Исполнительное производство. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2010. С. 6.
2. *Яковлев. В.Ф.* Повышение эффективности правосудия и усиление действенности судебной защиты. // Вестник ВАС РФ. 1996. №3. С. 9.
3. *Свирин Ю.А.* О некоторых проблемах институционализма и кодификации законодательства гражданского исполнительного права // Электронный ресурс, 2010. http://www.juristlib.ru/book_7478.html.
4. *Гладышев С.И.* Исполнительное производств в английском и российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2001.С. 4, 10.
5. *Артемьева Ю.А.* Исполнительное производство в США // Вопросы российского и международного права. 2011. № 3. С. 121.
6. *Ахмедова М.* Как коллектор долги собирал // Русский репортер. 11 декабря 2007. № 28 (28).
7. *Филиппов С.А., Цепкова Т.М.* Анализ международного и национального исполнительного права // Взаимодействие и взаимозависимость международного и национального права: сборник тезисов Международной научно-практической конференции (г. Москва 26 октября 2013 г.). Московский центр правовых исследований.
8. Частная система принудительного исполнения по опыту европейских стран // http://www.resq-group.com.ua/execution_eu.html.
9. *Данилян М.А., Прошкин К.Н., Оленьчева А.Н.* Законодательство об исполнительном производстве в Федеративной Республике Германии // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2010. № 4. С.1-8.

EXECUTIVE PRODUCTION OF THE RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Vanina K.A.,

2-year student of Department of civil law and process

e-mail: xenia.halizova@yandex.ru,

*Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation
the Volga Institute of management named after P. A. STOLYPIN, Saratov*

<http://piu.ranepa.ru>

The article presents a comparative analysis of the development of Executive production in Russia and foreign countries.

Keywords: enforcement proceedings, the execution creditor, the debtor, the enforcement court

УДК 343

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ И КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИКИ ОТРАСЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Головастова Юлия Александровна,

канд. юрид. наук,

зав. кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин,

e-mail: UGolovastova@yandex.ru,

филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани

<https://www.muiv.ru/ryazan>

В статье рассматриваются вопросы, связанные с пониманием источника отрасли уголовно-исполнительного права. Автор анализирует роль международных договоров и Конституции РФ в системе источников отрасли уголовно-исполнительного права. Исследуется вопрос о способах воздействия норм международных договоров на динамику развития уголовно-исполнительных отношений в условиях интеграционных тенденций. Проанализирован статус Конституции РФ как материального и формального источника отрасли уголовно-исполнительного права. Доказывается, что к формальным (юридическим) источникам отрасли уголовно-исполнительного права относятся: международные договоры и соглашения, правовые нормы которых реципированы и имплементированы в российское уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительные отношения, источник отрасли уголовно-исполнительного права, норма уголовно-исполнительного права, система уголовно-исполнительного права

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-41-45

Источник права – теоретическая, научная категория. В толковом словаре русского языка мы находим следующее определение: «Источник – то, что дает начало чему-нибудь, откуда, исходит что-нибудь» [6, с. 250]. Для того, чтобы определить сущность и содержание уголовно-исполнительного права важны как материальные, так и формальные и идеологические источники права. Материальные источники формируют условия жизни людей, интересы, потребности, которые выражаются в законе. Идеологические источники часто выражаются в научных концепциях, положениях, научно-теоретических проектах основ законодательства, кодексов. Формальные (юридические) источники указывают на форму закрепления норм уголовно-исполнительного права в уголовно-исполнительном законодательстве, с помощью которых устанавливается общеобязательный и волевой характер предписаний [5, с. 192-197].

Среди ученых-пенитенциаристов присутствуют полярные точки зрения в части оценки видов источников уголовно-исполнительного права. Первая группа ученых придерживается мнения о том, что нормы уголовно-исполнительного права представлены исключительно в УИК РФ. Так, Б. З. Маликов не рассматривает в качестве источников уголовно-исполнительного права нормативно-правовые акты других отраслей права [4, с. 17]. Согласно данной позиции отвергается возможность признания источниками уголовно-исполнительного права как кодифицированных, так и некодифицированных законодательных актов. Б. З. Маликов пишет: «Как нам представляется при ответе на вопрос: относится ли конкретный нормативный акт к данной отрасли права или нет – важнейшим критерием выступает ее предмет, который согласно ст. 2 УИК РФ составляют общие положения и принципы исполнения наказаний, применение иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ; порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применение средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам» [4, с. 17]. Как видим, ученый формулирует вывод на основе анализа предмета уголовно-исполнительного законодательства. Полагаем, что согласно представлен-

ной позиции система источников уголовно-исполнительного права и система уголовно-исполнительного законодательства отождествляются, что нельзя признать верным.

Представители второй позиции полагают, что уголовно-исполнительное право является мульти-источниковой отраслью права [3, с. 38; 9, с. 154].

В качестве формальных источников уголовно-исполнительного права выступают нормы писаных и ратифицированных международных конвенций, договоров, пактов.

На современном этапе развития уголовно-исполнительного права происходит нарастание интеграционных тенденций. В целях эффективного восприятия отраслью уголовно-исполнительного права международных норм необходимо строгое соблюдение принципов имплементации международных правил, принципов, стандартов.

Существует несколько способов воздействия норм международного права на отрасль уголовно-исполнительного права. Норма международного права может включаться в уголовно-исполнительное законодательство во исполнение международного договора. Так, осужденные не могут подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. Данная норма вытекает из положений Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (1984) и Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращению или наказания (1987).

При регулировании уголовно-исполнительных отношений мы можем наблюдать указание в тексте национального уголовно-исполнительного закона на действие нормы международного права без приведения ее непосредственного содержания. Такой прием используется законодателем в ч. 3 ст. 10 УИК РФ, где речь идет о том, что «осужденные иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые устанавливаются международными договорами РФ».

Справедливости ради отметим и то, что довольно часто используется принцип рецепции, при котором норма международного права как источник уголовно-исполнительного права полностью включается в УИК РФ без каких-либо изменений. Право осужденных на уважение частной и семейной жизни гарантируется ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Данная норма воспроизводится и закрепляется в ч. 4 ст. 89 УИК РФ, где установлен запрет на кино-, фото- и видеосъемку осужденных, их интервьюирование без их согласия в письменной форме. Кроме того, следует выделить имплементацию как способ восприятия нормами уголовно-исполнительного закона предписаний норм международного права. При имплементации норма уголовно-исполнительного права излагается и формулируется во исполнение международного договора. В ч. 9 ст. 12 УИК РФ формулируется правило о том, что осужденные иностранные граждане вправе получать юридическую помощь от дипломатических представительств своих государств или межгосударственных органов. Рецепция и имплементация представляют собой одну из разновидностей систематизации права – инкорпорацию. В данном случае следует признать, что при инкорпорации международные нормативные предписания включаются в отраслевое уголовно-исполнительное законодательство, вследствие чего, международное право воздействует на отрасль уголовно-исполнительного права. Таким образом, норма международного права является формальным источником уголовно-исполнительного права при ее инкорпорации во внутригосударственное уголовно-исполнительное законодательство.

Полагаем, что стратегически определяющая роль принадлежит Конституции РФ в формировании источников уголовно-исполнительного права.

Конституция РФ не может быть исключена из числа источников уголовно-исполнительного права. Сказанное объясняется, во-первых, тем, что порядок исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применение средств исправления к осужденным определяется УИК РФ, основанном на Конституции РФ. Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие при регулировании любых общественных отношений (в частности, уголовно-исполнительные не являются исключением) [1, с. 33]. Во-вторых, ч. 1 ст. 3 УИК РФ признает составной частью уголовно-исполнительного законодательства общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, что основывается на положениях ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ в ведении РФ находится уголовно-исполнительное законодательство. Данное положение указывает на то, что вопросы регулирования исполнения уголовных

наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применения к осужденным основных и дополнительных средств исправления, относится исключительно к компетенции федеральных органов государственной власти.

Мнения ученых-пенитенциаристов относительно признания Конституции в качестве источника уголовно-исполнительного права разделились.

Приверженцы первой точки зрения признают Конституцию РФ в качестве материального источника уголовно-исполнительного права. Среди них В. В. Геранин, В. А. Уткин. В частности, В. А. Уткин пишет: «Провозглашенное в Конституции РФ прямое действие конституционных норм, а также возможность их непосредственного применения судами не изменяет их правовую природу на уголовно-исполнительную» [7, с. 239].

Вторая позиция сводится к тому, что Конституция РФ является как материальным, так и формальным источником уголовно-исполнительного права. Указанная позиция прослеживается в трудах С. М. Зубарева, О. В. Демидовой, В. И. Селиверстова и других ученых.

На наш взгляд, вопрос о том, каким источником уголовно-исполнительного права выступает Конституция РФ, сводится к тому, что она признается как материальной, так и формальной формой существования регулирования уголовно-исполнительных отношений.

Конституция РФ определяет основные направления уголовно-исполнительной политики в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ. В ее положениях закреплён приоритет прав и свобод человека и гражданина, а их признание, соблюдение и защита является – обязанностью государства. В силу ст. 18 Конституции РФ указанные положения в равной степени распространяются и на осужденных.

Необходимо также отметить определенную взаимосвязь института прав и свобод осужденных с системой конституционных ограничений. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, но исключительно в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Фундаментом правового положения осужденных также следует признать юридические гарантии, закреплённые в ст. 45-54 Конституции РФ [8, с. 39].

Конституции РФ отводится особая роль в регулировании уголовно-исполнительных отношений, которая определяется следующими характерными чертами:

- ее положения имеют высшую юридическую силу;
- она обладает прямым действием на всей территории РФ;
- выступает в качестве основополагающей базы, определяющей направления уголовно-исполнительной политики;
- обеспечивается иерархия нормативных актов;
- определяется сущность правовой системы за счет включения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров;
- устанавливаются нормы-декларации, закреплённые основные права, обязанности, законные интересы осужденных;
- определяется система норм-принципов, определяющих способы защиты и механизмы реализации прав и законных интересов осужденных.

В Конституции РФ присутствуют нормы, непосредственно обращённые к осужденному – одному из основных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. Так, в ч. 3 ст. 50 закрепляется положение о том, что «каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право о помиловании и смягчении наказания. Вместе с тем, совершенно справедливо в литературе отмечается, что Конституция РФ, будучи формальным источником уголовно-исполнительного права, в большей мере содержит правила (предписания), требующие детализации и раскрытия в других нормативных актах [2, с. 106].

Таким образом, к формальным (юридическим) источникам отрасли уголовно-исполнительного права относятся, на наш взгляд, международные договоры и соглашения, правовые нормы которых реципированы и имплементированы в российское уголовно-исполнительное законодательство; Конституция РФ. Следует признать, что приведенные нормы права, регулирующие уголовно-исполнительные отношения в Конституции РФ, указывают на то, что Основной закон государства может и должен

рассматриваться в качестве формального источника уголовно-исполнительного права. Тем не менее, вышеперечисленные свойства Конституции РФ не исключают того факта, что она признается и материальным источником отрасли уголовно-исполнительного права.

Список литературы

1. Божьев В.П. Уголовный процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3 – е изд., испр. и доп. – М., Спарк, 2002. – 704 с.
2. Демидова О.В. Конституция РФ как основополагающий источник уголовно-исполнительного права // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2012. – №1. – С. 105-107.
3. Исправительно-трудовое право (уголовно-исполнительное) право. Под ред. А.В. Маслихина. Рязань, 1993. – 248 с.
4. Маликов Б.З., Грушин Ф.В. Источники уголовно-исполнительного права. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИИ России, 2008. – 80 с.
5. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб.: в 2 т. Т 2. Право. – 2 е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 656 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
7. Уголовно-исполнительное право. Общая часть. Учебник / Под общ. Ред. Ю.И. Калинина. Науч. Ред. А.Я. Гришко, О.В. Филимонов.- 3-е изд., испр. – Рязань: Академия ФСИИ России, 2009. – 416 с.
8. Уголовно-исполнительное право: учебник для вузов / С.М. Зубарев, В.А. Казакова, А.А. Толкаченко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. 455 с.
9. Фефелов В.А. Уголовно-исполнительное право России. Общая часть: Учеб. пособие. – Рязань: Ряз. ин-т права и экономики МВД России, 1998. – 378 с.

STANDARDS OF INTERNATIONAL TREATIES AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE SOURCES OF THE BRANCH OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Golovastova I.A.,

cand. of Jurisprudence,

chair of legal and liberal disciplines

e-mail: UGolovastova@yandex.ru,

Ryazan Branch of Moscow Witte University

<https://www.muiv.ru/ryazan>

The article examines the questions concerning understanding the source of the branch of the criminal-executive law. The author analyses the role of international treaties and the Constitution of the Russian Federation in the system of the sources of the branch of the criminal-executive law. The question of the methods of influence of standards of international treaties on evolution of criminal-executive relationships under integration tendencies is investigated. The status of the Constitution of the Russian Federation as a material and formal source of the branch of the criminal-executive law is analyzed. It is proved that formal (juridical) sources of the branch of the criminal-executive law contain: international treaties legal standards of which are reciprocated and implemented into Russian criminal-executive legislation.

Keywords: criminal-executive law, criminal-executive relationships, source of the branch of the criminal-executive law, standard of the criminal-executive law, the system of the criminal-executive law

СТИМУЛИРУЮЩИЕ НОРМЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Кузьмин Сергей Спиридонович,

доцент кафедры уголовного права и процесса,

e-mail: skuzmin@muiv.ru,

филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани

<https://www.muiv.ru/ryazan>

В статье предпринята попытка сформировать систему стимулирующих норм в уголовном праве с учетом стадий совершения преступления и стадий реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: Уголовное законодательство, стимулирующие нормы, поощрительные нормы, система стимулирующих норм в уголовном праве

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-45-49

Для обеспечения эффективного регулирования постоянно обновляющихся общественных отношений право обречено на извечный поиск новых или пересмотр существующих средств воздействия на них. Это обусловлено сущностным значением правовых средств, которые, являясь элементом механизма правового регулирования, воздействуют на определенный объект с заданной целенаправленностью. При этом, в юриспруденции к правовым средствам относят различные правовые явления, при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права в соответствии с определенными целями. В частности, к наиболее распространенным из них относят юридические факты, принципы и нормы права, субъективные права и обязанности, запреты, наказания, льготы, поощрения, правоприменительные акты и некоторые другие. При этом стимулирование рассматривается как один из видов мотивации [1], как тип [4; с. 171] или метод правового регулирования [5; с. 32], а также в качестве дополнительного варианта воздействия [8; с. 148]. При этом, стимулирование проявляется не только в поощрении, то есть в создании благоприятных условий для определенной деятельности либо в предоставлении каких-то благ, льгот, преимуществ, наград в качестве поощрения за достигнутые результаты, но и в установлении условий для побуждения к соблюдению правовых предписаний, к удержанию от неправомерного поведения [11; с. 45].

Поощрение является средством положительного стимулирования, наказание – средством отрицательного стимулирования. Но в обоих случаях правовое стимулирование представляет собой процесс целенаправленного воздействия на личность, осуществляемый посредством системы взаимосвязанных государственно-правовых мер, закрепленных в запрещающих, обязывающих и поощрительных нормах права, основанный на учете различных уровней внутренней регуляции и того содержания потребностей и интересов, которые формируются под влиянием условий жизнедеятельности [2; с. 113].

Безусловно, выбор правовых средств как законодателем, так и правоприменителем не является произвольным. В конечном итоге, он социально обусловлен, то есть соответствует социальным интересам, социальным потребностям населения. С точки зрения технологии механизма правового регулирования, правовые средства должны быть ориентированы на определенные цели и своим содержанием соответствовать им. Наряду с этим, что не менее важно, средства должны вписываться в рамки применяемого метода правового регулирования. Другими словами, метод правового регулирования, правовые средства и соответствующая цель должны быть взаимосвязаны и взаимообусловлены в рамках эффективно функционирующего механизма правового регулирования. Их взаимосвязь, в конечном итоге, и определяет специфику правовых средств для отдельных отраслей права, при которой соотношение правовых ограничений и стимулов различно.

Уголовное право, являющееся, по своей природе, основным карательным инструментом государства, преимущественно содержит ограничительные средства, к числу которых относятся, прежде всего, запреты, наказание и другие меры, предусмотренные УК. Но, в связи с известными демократическими изменениями в стране, а также в мире, развиваются определенные предпосылки для расширения стимулирующего воздействия на поведение населения, в том числе и на поведение лиц совершающих или

уже совершивших преступление, включая лиц, признанных виновными и осужденными. Это обусловлено также достижениями целого ряда (психологии, социологии и др.) наук, в соответствии с которыми запреты, вообще, независимо от сферы социальной жизни, признаются менее эффективными, чем другие средства регламентирующего воздействия (поощрение и др.) на поведение [3; с. 48].

Преимущество стимулирующего воздействия перед правовым ограничением проявляется, прежде всего, в его способности вызвать более глубокие чувственные переживания относительно собственной судьбы, на основе которых возможно принятие позитивных решений. Стимулирование всегда предполагает осознанность последующего позитивного поведения, как правило, опирающуюся на убеждении в необходимости такого поведения, что не обязательно для запретов и иных правовых ограничений. Конечно, при этом необходимо иметь в виду, что стимулы, даже «сработавшие», впрочем, также как и другие правовые средства, не являются гарантией исправления лица, совершившего преступление, и панацеей рецидива. Но они могут стать фактором, формирующим позитивную мотивацию и предопределяющим позитивное поведение, что, в общем-то, и требуется от правовых средств [7; с. 31]. В принципе, можно согласиться с пониманием, что целью правового позитивного стимулирования можно считать воспитание социально активного субъекта [4; с. 168].

В рамках настоящей работы, опираясь на узкое понимание стимулирования, связанного с перспективой поощрения или иного улучшения собственного положения, мы предприняли попытку систематизировать нормы уголовного права данного содержания. Такая систематизация, как представляется, с учетом содержания стимулирования и выбора соответствующих критериев.

Основными содержательными признаками позитивного стимулирования являются следующие:

- стимулирование побуждает к позитивной деятельности или к прекращению начатых незаконных действий;
- стимул в форме поощрения или иного улучшения положения соответствующего лица реализуется при реальном выполнении предусмотренного уголовным законодательством поведения;
- осознанность позитивного поведения;
- добровольность, связанная с наличием свободы выбора линий поведения;
- стимулирование позитивного поведения основывается на психологическом механизме действия: стимул – интерес – мотив – установка;
- стимулирование осуществляется не только в отношении лиц, причастных к общественно опасному поведению, но и в отношении иных лиц.

В свою очередь, критериями систематизации уголовно-правовых норм, стимулирующих позитивное поведение, следует признать такое поведение а) связанное с совершением общественно опасного деяния; б) связанное со сферой реализации уголовной ответственности.

С позиций действующего УК РФ, систему норм, стимулирующих позитивное поведение, составляют:

а) добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК) – для всех видов неоконченного преступления, независимо от его категории. Поощряемым в данном случае является добровольное и окончательное прекращение лицом, начатых им преступных деяний, при возможности доведения их до конца. При таком поведении лицо уголовной ответственности не подлежит, в связи переосмыслением собственной позиции и изменением (прекращением) криминальной линии поведения;

б) обстоятельства, исключающие преступность деяния (глава 8 УК РФ).

К нормам, стимулирующим позитивное поведение необходимо отнести положения ст. 37, 38, 41 УК РФ, предусматривающих возможность причинения вреда при условиях, определяемых для данных обстоятельств. Правомерное причинение вреда при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, обоснованном риске характеризуется осознанным, волевым выбором соответствующего поведения, обусловленного общественно полезной мотивацией.

Фрагментарно, стимулирующей позитивное поведение, является норма ч. 2 ст. 42 УК РФ, допускающей возможность неисполнения незаконного приказа или распоряжения.

Правомерность причинения вреда при крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), физическом или психическом принуждении (ст. 40 УК РФ), исполнении приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ), с позиций закона, не относится к позитивному поведению и не связана со стимулированием, так как деяния совершаются вынужденно при отсутствии свободы выбора;

в) нормы, стимулирующие позитивное поведение на стадии выбора форм реализации уголовной ответственности (на стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства). К ним, в частности, относятся:

- нормы, стимулирующие позитивное посткриминальное поведение виновного по содействию органам расследования, а также по возмещению или заглаживанию вреда, причиненного потерпевшему (п.п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61, ч.ч. 1 и 2 ст. 62, ст. 64, ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ),

Такое поведение, в зависимости от его содержательной характеристики, может быть основанием для выбора различных вариантов гуманизации или освобождения от ответственности;

- специальными нормами, стимулирующими позитивное поведение виновного лица как разновидность деятельного раскаяния, влекущего освобождение от уголовной ответственности, являются примечания к ст.ст. 122, 126, 127.1, 134, 178, 184, 198, 199, 199.1, 200.1, 200.3, 204, 204.1, 204.2, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 222, 222.1, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 276, 278, 282.1, 282.2, 282.3, 284.1, 291, 291.1, 291.2, 307, 322.2, 322.3, 337, 338 УК РФ. Совершение деяний, закрепленных в данных нормах, является оснований для освобождения от уголовной ответственности;

- положения ч.ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ, стимулирующие заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, при условии выполнения которого понижается верхний предел возможного наказания, а также не могут быть применены смертная казнь и пожизненное лишение свободы;

г) нормы, стимулирующие позитивное поведение во время исполнения наказания или иных мер уголовно-правового воздействия.

К ним УК РФ относит положения:

- ч. 1 ст. 74, предусматривающей основания отмены условного осуждения и снятия судимости;

- ст. 79, определяющей признаки позитивного поведения как основания условно-досрочного освобождения;

- ст. 80, предусматривающей замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

д) нормы, стимулирующие позитивное поведение после отбытия наказания, связанные с возможностью досрочного снятия судимости (ч. 5 ст. 86 УК РФ), аннулирующего правовые последствия, присущие ей.

Общей целью для системы норм, стимулирующих позитивное поведение, и ее отдельных элементов следует признать совершение соответствующим лицом осознанных и волевых позитивных деяний, обусловленных содержанием отдельных видов стимулирующих норм.

Несомненно, что система стимулирующих уголовно-правовых норм должна находиться в динамичном развитии, что является необходимым условием для существования любых системных образований. В современных условиях законодатель предпринимает определенные шаги по совершенствованию стимулирующих норм, расширяя основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1, 76.2 УК РФ), гуманизируя условия существующих и т.д. При этом, совершенствование должно касаться устранения проблемных аспектов как самой системы, так и отдельных ее элементов.

Представляется, совершенствования данной сферы правового регулирования должно осуществляться, в том числе, с учетом следующих положений:

- уголовно-правовое стимулирование должно осуществляться в контексте развития общества, государства, экономических отношений, нравственно-духовной среды и других ценностей. Соответственно, в рамках государственных концепций, программ развития необходимо сформулировать цели и направления развития государства, приоритеты общественных и личных ценностей и др.;

- на концептуальном уровне необходимо решить вопрос о возмещении вреда причиненного преступлением, что может быть связано, в частности, с изменением роли наказания и сокращения оснований для поощрения виновных лиц;

- в современных условиях, недостаточно стимулируется нравственно-этическое поведение виновного лица, в большей степени во внимание принимается материальный аспект возмещения вреда:

- проблемным остается адекватность оценки позитивного поведения, являющегося основанием для поощрения или улучшения правового положения соответствующего лица. Так, например, постпенитенциарный рецидив среди условно-досрочно освобожденных из колонии общего режима составляет 68%, а по отбытию срока наказания в виде лишения свободы этот рецидив равен 47%, из колонии строгого режима соответственно – 39 и 21% [10].

В уголовном праве применительно к лицам, осужденным к лишению свободы и отбывающим данное наказание в соответствующих исправительных учреждениях, используется суженный круг стимулов, адаптированный к специфичным условиям социальной среды. Это закономерно вытекает из особенностей карательного воздействия лишения свободы как вида наказания, сущность которого составляет изоляция, сопровождаемая ограничением и других прав и свобод осужденных, обусловленных различными условиями их содержания. Учитывая, что в сферу уголовного права входит лишь определение степени изолированности (вида исправительного учреждения), а изменение условий содержания в рамках одного вида наказания, как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения, является прерогативой уголовно-исполнительного права, содержание уголовно-правовых стимулов, так или иначе, связано с перспективой выхода из этой изоляции. Такая перспектива для лиц, отбывающих наказание в соответствующих исправительных учреждениях, вызывает максимальный интерес и является главным стимулом. По нашим данным, около 95% из них, оказавшись в местах лишения свободы, проявляют интерес к возможному досрочному освобождению, как с позиций законодательного регламентирования, так и с учетом специфики сложившейся административной и судебной практики. При этом, лишь четверть из них связывает такое освобождение с достижением исправления, либо иным позитивным изменением своей личности, то есть с необходимостью «заслужить» его. Но каждый пятый из этой четверти не готов добиваться этого. Таким образом, примерно 20 % лиц, осужденных к лишению свободы, проявляют стойкий интерес к перспективе досрочного освобождения с осознанием условий и требований, предъявляемых к ним, и готовностью добиваться этого. В отношении данного круга лиц подобное стимулирование может стать основным средством исправления.

В соответствии с изложенным, можно утверждать, что эффективное уголовно-правовое регулирование предполагает сбалансированность применяемых средств и методов. При этом, вопросы стимулирования позитивного поведения средствами поощрения и иными гуманизирующими факторами нуждаются в дальнейших системных исследованиях.

Список литературы

1. *Алексеев В.И.* Пенитенциарная политика в содержании уголовно-правового стимулирования осужденных в предреформенный период (1879-1917 гг.) // СПС КонсультантПлюс.
2. *Звечаровский И.Э.* Стимулирование в праве: Понятие и структурные элементы // Правоведение. 1993, № 5. С. 112-117.
3. *Кудрявцев В.Н.* Взаимосвязь правового регулирования и социальных интересов // Вопросы философии. 1987, № 1. С. 47-53.
4. *Левин О.В.* Средства стимулирования в праве // Вестник Мордовского университета. 2006, № 1. С. 165-172.
5. *Малько А.В.* Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998, № 8. С. 67-71.
6. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2003. 250 с.
7. *Матузов Н.И.* Право как центральный элемент и нормативная основа правовой системы // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1988. 173 с.
8. *Общая теория права и государства* / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2000. 457 с.
9. *Петрова Г.О.* Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. 192 с.
10. *Селиверстов В.И.* Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // СПС КонсультантПлюс.
11. *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 281 с.

TO THE QUESTION OF THE SYSTEM OF STIMULATING REGULATIONS
IN THE CRIMINAL LAW

Kuzmin S.S.,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process,

e-mail: skuzmin@muiv.ru,

Ryazan Branch of Moscow Witte University

<https://www.muiv.ru/ryazan>

The author makes an attempt to form a system of stimulating regulations in the criminal law subject to the stages of committing a crime and the stages of realization of criminal responsibility.

Keywords: criminal legislation, stimulating regulations, promotional regulations, system of stimulating regulations in the criminal law

УДК 343.985.2

НАЛАЖИВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОГО ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

Уварова Ирина Александровна,
канд. юрид. наук, доцент,
зав. кафедрой уголовного права и процесса,
e-mail: iuvarova@muiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<https://www.muiv.ru>

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных со спецификой установления психологического контакта при допросе на предварительном следствии. Проанализированы различные точки зрения ученых-криминалистов по содержанию психологического контакта и способов его установления.

Ключевые слова: тактика допроса, активность допроса, целеустремленность допроса, психологический контакт, способы установления психологического контакта, метод убеждения, создание доброжелательной обстановки

DOI 10.21777/2587-9472-2017-2-50-53

Исходя из закрепленного в ст. 6 УПК РФ положения о назначении уголовного судопроизводства, субъекты уголовного преследования, защищая права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, стремятся максимально полно раскрыть и расследовать преступление и изобличить виновных.

Одним из основных «инструментов», которыми законодатель наделил следователя и органы дознания в ходе собирания доказательств, является допрос. В практике любого следователя есть множество примеров, когда в результате умело проведенного допроса были получены важнейшие сведения, ставшие затем неопровержимыми доказательствами.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, допрос представляет собой процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела и является наиболее распространенный способ получения доказательств. В то же время это одно из наиболее сложных следственных действий.

Основная цель допроса заключается в получении полных и правдивых показаний, а сам процесс формирования показаний – от восприятия какого-либо факта, явления до передачи информации о них – носит психологический характер. На протяжении всего допроса на психику человека влияют многочисленные объективные и субъективные факторы. Действие этих факторов, специально изучаемых судебной психологией, должно быть хорошо известно следователю. Он обязан знать и основанные на данных судебной психологии тактические приемы, позволяющие ослабить вредное влияние этих факторов на полноту и объективность показаний, восполнить возникшие в результате их воздействия пробелы, оживить память о воспринятом, упорядочить воспроизведение хранящейся в памяти допрашиваемого информации [1, с. 195].

Законодатель детально регламентировал процессуальную сторону отношений между лицом, производящим допрос, и допрашиваемым. В отличие от процессуальных норм, тактические приемы не регламентируются законом. На ход формирования показаний влияет множество факторов, не последнее место среди которых занимает управляющее воздействие следователя [2].

При соблюдении определенных **тактических условий** может быть достигнута результативность допроса. К таким условиям относятся:

1) активность допроса, которая заключается в том, что следователь прочно удерживает инициативу при допросе, умело использует все тактические приемы, строго сообразуя их с требованиями закона;

2) целеустремленность допроса, означающую проведение его с заранее обдуманной целью для получения правдивой информации, что обеспечивается наличием у следователя твердого представле-

ния о предмете допроса, желанием достигнуть поставленной цели, умением сообразовать с ней применяемые средства и приемы допроса;

3) возможности дословного изложения показаний (ст. 189, 190 УПК РФ).

В учебной литературе можно встретить такие термины, как «создание доброжелательной обстановки», «нейтрализация отрицательных качеств личности» [3], однако сам механизм, благодаря которому эти тактические приемы допроса становятся результативными, не раскрывается.

Успех допроса во многом зависит от того, насколько полно будут учтены и использованы особенности личности допрашиваемого: его психика, культурный и общеобразовательный уровень, профессия, взгляды, общественная активность и т.п. Полагаем, что без такого учета невозможно установить психологический контакт с допрашиваемым, что является необходимым условием достижения основной цели допроса.

Однако, не все следователи могут добиться установления контакта с допрашиваемым. Психологическому контакту способствуют коммуникабельность следователя, т.е. его способность располагать к себе людей, умение с учетом индивидуальных особенностей допрашиваемого (возраста, характера, интересов, психического состояния, отношения к делу и т.д.) находить правильный тон в общении, пробуждать заинтересованность к даче правдивых показаний. При установлении психологического контакта большое значение имеют доброжелательность, корректность следователя, его объективность, непредвзятость, готовность внимательно выслушать допрашиваемого, умение снять напряжение в общении.

Возникновение психологического контакта способствует получению полных и объективных показаний, имеющих значение для установления истины по делу. Психологический контакт является обязательным элементом успешного межличностного общения взаимодействующих сторон: следователя и допрашиваемого, независимо от процессуального положения последнего, и представляет собой результат прочно установившегося состояния взаимопонимания, доверия и деловой активности, в процессе которого допрашиваемый готов сообщить следователю интересующие его сведения, а следователь, с учетом предъявляемых требований, их зафиксировать, преследуя цель эффективного использования в дальнейшем.

Налаживание тесных связей между следователем и допрашиваемым строится, с одной стороны, на нормах уголовно-процессуального законодательства, а с другой – на научных положениях криминалистики, судебной психологии, логики, теории управления деятельностью [4, с. 40] В криминалистической и судебно-психологической литературе вопрос, связанный с определением понятия и содержания психологического контакта при допросе является дискуссионным.

Содержание психологического контакта учеными-криминалистами определяется по-разному: во-первых, как условие, прием, стадия следственного действия, во-вторых, как состояние следователя и участника следственного действия.

Так, например, Н.И. Порубов рассматривает психологический контакт как «...систему взаимодействия людей между собой в процессе их общения, основанного на доверии: информационный процесс, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга. Психологический контакт – это, наконец, процесс взаимного понимания» [5, с.73; 6, с. 78]. При этом Н.И. Порубов отмечает, что психологический контакт должен быть налажен в ходе всего допроса. Для его установления требуется проведение ряда тактических приемов, определяемых ходом допроса, обстоятельствами дела, наличием доказательств, а также личностью виновного.

Таким образом, психологический контакт можно рассматривать как тактическую операцию, объединяющую совокупность тактических приемов направленных на решение серии задач при производстве допроса. А.В. Дулов определяет психологический контакт как «...целенаправленную, планируемую деятельность по созданию условий, обеспечивающих развитие общения в нужном направлении и достижение его целей». [7, с.107] и указывает на необходимость учета психических явлений, которые закономерно развиваются у человека перед вступлением в общение.

Выявление этих закономерностей поведения, характерных для конкретного человека, является одной из главных задач следователя при подготовке к следственному действию. С одной стороны, психологический контакт позволяет рационализировать режим общения в конкретном следственном действии, с другой, психологический контакт обуславливает оптимизацию производства иных след-

ственных действий с участием лица, с которым следователь на допросе ранее сформировал стабильный психологический контакт.

Соловьев А.Б. рассматривает психологический контакт как способ коммуникативных связей, как «эмоциональное доверие» к следователю [8, с. 31]. Наличие такого доверия является желательным элементом психологического контакта, но иногда следователь объективно не имеет возможности вызвать к себе эмоциональное доверие человека потому, последний вступает в общение, имея цели, противоречащие целям следователя, но, рассчитывает в процессе контактного общения найти компромиссное решение поставленных им задач. Контактные отношения в таких случаях строятся на основе взаимопонимания и взаимоуважения следователя и участника допроса.

Также А.Б. Соловьев указывает, что в известном смысле психологический контакт «носит односторонний характер: следователь стремится получить как можно больше информации от допрашиваемого и сам не заинтересован в обнаружении имеющихся в его распоряжении данных по делу» [8, с.42]

В психологии под контактом понимается «случай коммуникации с обратной связью» [9, с. 47; 10, с. 34], который предполагает двусторонний характер отношений, где следователь и его партнер одновременно являются и «адресатом», и «адресантом». Поэтому оба они оказывают влияние на процессы общения, на динамику развития их отношений.

В криминалистике разработаны тактические приемы установления психологического контакта, которые носят наиболее общий характер.

Так, Ф.В. Глазырин для установления контакта рекомендует следующие способы:

- 1) обращение к логическому мышлению допрашиваемого;
- 2) возбуждение у него интереса к общению и его результатам;
- 3) воздействие на допрашиваемого положительными качествами личности следователя.

В каждом из предложенных способов можно попытаться выделить серию тактических приемов, причем такие приемы будут разными в зависимости от процессуального положения допрашиваемого, его психологических особенностей, ситуации допроса.

Лукашевич В.Г. предлагает девять способов установления психологического контакта на допросе:

- 1) создание надлежащей обстановки допроса;
- 2) допрос наедине;
- 3) корректное поведение следователя как представителя государства, выполняющего важные общественные функции;
- 4) демонстрация доброжелательности, непредвзятого отношения к допрашиваемому, порождающие интерес к следователю как партнеру по общению;
- 5) демонстрация умения выслушать до конца, не повышать тон;
- 6) проведение предварительной беседы на отвлеченную тему;
- 7) обращение к логическому мышлению;
- 8) разъяснение целей и задач допроса;
- 9) создание обстановки, возбуждающей интерес к допросу и результатам его [4, с.259].

На наш взгляд, наиболее эффективным методом установления психологического контакта является **метод убеждения**, сущность которого заключается в воздействии на сознание личности через обращение к её собственному критическому суждению.

Предварительный отбор, логическое упорядочение имеющихся фактов и доводов, предъявление их в эффективной эмоциональной форме и тактически обусловленной последовательности – все это, по существу, и предопределяет успешность психического воздействия.

Список литературы

1. Уварова И.А. Допрос свидетелей, как источник получения криминалистически значимой информации по наркопреступлениям, совершаемым в молодёжной и подростковой среде // В сборнике: Государство и право: теория и практика: материалы Международной научной конференции. 2011. С. 195-197.
2. Саморока В.А. Тактика допроса и стратегия поведения // Российский следователь. 2005. № 12 // СПС КонсультантПлюс.

3. Криминалистика: учебник для вузов / И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Е.П. Ищенко и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 2014. С. 285 – 291.
4. Лукашевич В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: учебное пособие Киев: НИ и РИО МВД СССР, 1989.
5. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск, 1973.
6. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978.
7. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1973.
8. Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего М., 1974.
9. Васильев В.Л. Юридическая психология. Л., 1974.
10. Сорочан В.В. Введение в юридическую психологию: учебное пособие. М., 2016.

**ESTABLISHING PSYCHOLOGICAL CONTACT AS ONE OF THE FACTORS
OF SUCCESSFUL INTERROGATION**

Uvarova I.A.,

*Candidate of Law, associate professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
e-mail: iuvarova@muiiv.ru,
Moscow University S.Y. Witte
<https://www.muiiv.ru>*

This article is devoted to consideration of questions connected with peculiarities of establishment of psychological contact at interrogation on pre-trial investigation. It analyzes different points of view of scientists-criminalists on the content of the psychological contact and how to establish it.

Keywords: tactics of interrogation, the questioning activity, the purpose of interrogation, psychological contact, ways of establishing psychological contact, method of persuasion, creating a welcoming environment

**Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте.
Серия 2. Юридические науки
№ 2 (11)' 2017**

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Электронное издание.

Подписано в тираж 10.08.2018.

Печ. л. 7,5. Усл.-печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 3,84.

Объем 7,82 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 18-0218.

Отпечатано в ООО «СиДи Копи»,
111024, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 3, тел. 8 (495) 730-41-88

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8(495) 783-68-48, доб. 45-11.